

Плутарх

Алкивиад и Гай Марций Кориолан

РОД Алкивиада по отцовской линии восходит к Эврисаку, сыну Аякса, а со стороны матери – Диномахи, дочери Мегакла, он был Алкмеонидом. Его отец, Клиий, прославился в морском бою при Артемисии, командуя триерой, вооруженной им на свой счет, а позже погиб, сражаясь с беотийцами при Коронее. Опекунками Алкивиада были его родственники – Перикл и Арифрон, сыновья Ксантиппа. Справедливо говорят, что расположение и любовь к нему Сократа немало содействовали его славе; взять хотя бы Никия, Демосфена, Ламаха, Формиона, Траеибула и Ферамша, знаменитых людей, современных Алкивиаду – даже имена их матерей неизвестны, что же касается Алкивиада, то мы знаем имя его кормилицы – лакедемонянки Амиклы и его воспитателя Зомира, так как Антисфен упоминает о первой и Платон – о втором.

Быть может, не стоит говорить о красоте Алкивиада, но она оставалась цветущей и в детстве, и в юношестве, и в зрелом возрасте, словом – всю его жизнь, делая его любимым и приятным для всех. Ибо неверно то, что говорит Еврипид – что у всех красавцев и осень прекрасна, но Алкивиад, среди немногих других, имел это счастье благодаря своему прекрасному сложению и здоровью. Он немного картавил, и говорят, что даже это ему шло, придавая его речи убедительность и грацию. Аристофан упоминает об этом его недостатке в стихах, в которых высмеивает Теора:

«А вот Теор! А я-то думал – ворон!»

Картавя, то же повторил Алкивиад:

«А... вот... Теор! А я-то... думал... вор... – он!»

И Архипп, насмехаясь над сыном Алкивиада, говорит: он идет медленным шагом, волоча свой гиматий, и, чтобы казаться еще больше похожим на отца, картавит, голову склонивши на плечо.

II. В ЕГО характере позже появились противоречия и внезапные колебания – естественное следствие преследуемых им больших целей и неверностей его судьбы. Но из всех тех сильных и пылких страстей, которым была подвержена его душа, самой пылкой было честолюбие и стремление к первенству во всем, как это видно из рассказов о его детстве. Однажды он боролся; чувствуя, что противник его одолевает, Алкивиад, чтобы не упасть, притянул ко рту руки побеждающего и чуть не прокусил их насквозь. Тот отпустил его, говоря: «Ты, Алкивиад, кусаешься, совершенно как женщины». «Вовсе нет, – возразил последний, – как львы». В другой раз, будучи еще совсем маленьким, он играл в кости на узкой улице, и, когда была его очередь бросать, подъехала нагруженная повозка. Сперва Алкивиад приказал вознице остановиться, так как кости падали как раз в том месте, где повозка должна была проехать. Но грубый человек продолжал двигаться, не слушая его; другие дети расступились, Алкивиад же бросился лицом вниз на землю перед повозкой и велел вознице ехать, если он хочет. Тот, испугавшись, осадил лошадей, а товарищи Алкивиада в страхе за мальчика с громкими криками окружили его. Когда он начал учиться, он охотно занимался у разных учителей, но никогда не хотел обучаться игре на флейте, как занятию презренному, недостойному свободного человека. Он говорил, что плектр и лира несколько не искажают черт лица и выражения, приличествующего свободному, в то время как у того, кто дует во флейту, искажаются не только губы, но и все лицо, делаясь неузнаваемым даже для близких. Кроме того, играя на лире, можно одновременно и петь, флейта же так закрывает рот, что не дает возможности ни петь, ни говорить. «Пусть играют на флейте, – говорил он, – дети фиванцев, так как они не умеют вести беседу. Мы же, афиняне, имеем, как рассказывают наши отцы, родоначальниками богиню Афину и Аполлона; первая бросила флейту, а второй даже содрал кожу с флейтиста». Таким образом, соединяя серьезные доводы с шуткой, Алкивиад перестал заниматься этой наукой, а за ним и другие, так как между детьми быстро распространилось мнение, что Алкивиад справедливо осуждает игру на флейте и высмеивает тех, кто учится играть на ней. С этих пор флейта была совершенно исключена из

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org
числа занятий благородных людей и стала считаться достойной всяческого презрения.

III. АНТИФОНТ написал в своем пасквиле, что Алкивиад, будучи ребенком, убежал из дома к некоему Демократу, одному из своих любовников. Арифрону, хотевшему объявить о нем через глашатаев, Перикл не дал на это согласия, говоря: «Если он умер, то благодаря объявлению узнают только на день раньше о его смерти; если же он жив, мы опозорим его на всю жизнь». Антифонт рассказывает еще, что Алкивиад убил ударом дубины одного из сопровождавших его рабов в палестре Сибиртия. Однако не следует верить словам того, кто сам признался, что бранился из личной ненависти.

IV. МНОГИЕ из благородных окружали Алкивиада, ухаживая за ним, но все они очевидно восторгались его замечательной красотой, в то время как любовь Сократа служит важным доказательством добродетели и таланта юноши. Сократ видел эти черты как бы просвечивающими сквозь его красоту и боялся опасностей, заключавшихся в богатстве, аристократическом происхождении и множестве окружавших его поклонников, как из числа сограждан, так и иностранцев и союзников, стремившихся привлечь его к себе лестью и ухаживанием; только Сократ мог защитить его, спасти от гибели и помешать тому, чтобы растение погибло в цвету, не дав засохнуть до времени и опасть прекрасному плоду. На самом деле, никого счастье не окружало со всех сторон и не ограждало стеной так называемых «благ» до такой степени, чтобы он мог оставаться неуязвимым для философии и недоступным для правдивых и язвительных речей. Сначала Алкивиад, изнеженный и окруженный льстецами, заслонявшими от него мир, не внимал тому, кто его наставлял и воспитывал, но все-таки благодаря своей природной одаренности он распознал Сократа и сблизился с ним, порвав с богатыми и знатными поклонниками. Вскоре сделавшись его другом, Алкивиад охотно слушал речи того, кто не стремился к малодушным любовным наслаждениям, не просил поцелуев и прикосновений, но порицал порочность его души и обличал пустое, бессмысленное самомнение,

И как петух сраженный крылья опустил.

Он считал, что он обязан встречей с Сократом богам, заботящимся о юношах и желающим им спасения.

Презирая самого себя, восхищаясь Сократом, с любовью принимая его благосклонность, испытывая угрызения совести перед его добродетелями, он незаметно приобрел ответную любовь, являющуюся, как говорит Платон, отражением любви, так что все удивлялись, видя, как он ужинает вместе с Сократом, занимается с ним борьбой и живет в одной палатке, будучи в то же время недоступным и неприязненным для других, а с некоторыми обращаясь совсем надменно, как, например, с Анитом, сыном Антемиона. Тот любил Алкивиада и однажды, ожидая к ужину нескольких иностранных друзей, пригласил и его. Алкивиад отказался от приглашения и, напившись допьяна с товарищами у себя дома, вторгся с толпой товарищей к Аниту; остановившись в дверях мужской комнаты и увидев столы, на которых стояло очень много золотой и серебряной посуды, приказал рабам взять половину и нести к себе домой; совершив это, он удалился, не удостоив войти. Некоторые из приглашенных, возмущенные, стали говорить о том, как нагло и высокомерно вел себя Алкивиад. «Напротив, – сказал им Анит, – он был снисходительным и гуманным: ему никто не мешал забрать все, а часть он нам оставил».

V. ТАК ОН обходился и с другими молодыми людьми, кроме одного метэка, который, как говорят, продав все то немногое, чем он владел, и собрав сто статоров, предложил их Алкивиаду, настаивая, чтобы тот их взял: Алкивиад улыбнулся и довольный пригласил его к ужину. Угостив его и радушно приняв, он вернул ему деньги и приказал на следующий день на публичных торгах предложить за откуп на казенные налоги сумму выше той, которую предложит откупщик. Человек отказывался, потому что этот откуп стоил много талантов, но Алкивиад пригрозил подвергнуть его бичеванию, если он не исполнит требования, так как у него были свои счета с откупщиками. Таким образом, поутру метэк явился на площадь и набавил к покупной цене талант. Рассерженные откупщики объединились против него и потребовали, чтобы он сказал, кто будет его поручителем, уверенные, что он никого не найдет. Приведенный в замешательство метэк уже отступал, когда Алкивиад крикнул архонтам издали: «Пишите мое имя, это мой друг, я его поручитель». Услышав это, откупщики оказались припертыми к стене. Привыкнув из прибылей второго откупа уплачивать долг за первый, они не видели никакого выхода из создавшегося положения. Но Алкивиад не позволил метэку взять отступного

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org
меньше таланта. После того как они дали, он приказал метэку взять и отступить. И таким образом он помог этому человеку.

VI. ЛЮБОВЬ Сократа, хотя и вынужденная бороться с любовью многих могущественных соперников, иногда все же покоряла Алкивиада; благодаря врожденной одаренности речи Сократа хватали его за сердце и вызывали слезы, но когда он поддавался льстецам, соблазнявшим его множеством наслаждений, ускользал от Сократа и, находясь в бегах, был преследуем тем, кого одного только он боялся и стыдился, презирая остальных. Клеант говорил, что Сократ удерживает своего любимца только за уши, в то время как другие возлюбленные пользуются многими слабыми местами в его теле, недоступными для Сократа. Алкивиад же был, несомненно, податлив к наслаждениям – слова Фукидида о его крайней распушенности подтверждают это подозрение. Но развращавшие его действовали особенно на присущее ему честолюбие и тщеславие и толкали его преждевременно на большие дела, уверяя, что стоит ему заняться государственными делами, как он сейчас же не только затмит других стратегов и демагогов, но превзойдет славой и могуществом в Греции самого Перикла. Как железо, размягчаясь в огне, опять сжимается и собирает в себя все свои частицы от холода, так и Алкивиад, изнеженный, преисполненный гордости, под влиянием речей Сократа, когда последнему удавалось его поймать, много раз сжимался и собирался в себя, становясь и робким и скромным, сознавая, сколь многого ему недостает и как он несовершенен и далек от добродетели.

VII. Выйдя из детского возраста, Алкивиад пришел к школьному учителю и попросил книгу Гомера. Когда тот ответил, что никаких сочинений Гомера у него нет, он ударил его кулаком и вышел. Другому, сказавшему, что имеет Гомера и что он внес в текст Гомера свои поправки, Алкивиад заметил: «Будучи способным исправлять Гомера, ты учишь грамоте? Почему ты не воспитываешь юношей?»

Желая переговорить с Периклом, Алкивиад пришел однажды к его дверям. Ему сказали, что Перикл занят и обдумывает, как ему отчитываться перед афинянами. Уходя, Алкивиад сказал: «Не лучше ли было бы подумать о том, как бы вовсе не давать афинянам отчета?»

Еще будучи подростком, он принимал участие в экспедиции против Потидеи, жил в одной палатке с Сократом и стоял рядом с ним в боях. В одной жаркой битве они оба отличились; Алкивиад был ранен; Сократ прикрыл его, защитил и спас ему, на виду у всех, жизнь и оружие. На самом деле Сократ был более достоин получения награды за храбрость, но стратеги изъявили желание дать ее Алкивиаду из уважения к его аристократическому происхождению, и Сократ, надеясь развить честолюбие Алкивиада в хорошую сторону, первым выступил свидетелем в его защиту и просил увенчать его и дать ему полное вооружение.

В битве при Делии афиняне были обращены в бегство. Алкивиад имел коня. Сократ же отступал пешком с немногими другими. Увидя это, Алкивиад не проехал мимо, но сопровождал его и защищал от неприятелей, теснивших афинян и убивавших многих из них. Случилось это позже.

VIII. ОН ДАЛ пощечину Гиппонику, отцу Каллия, имевшему большую славу и влияние благодаря как богатству, так и происхождению, – не в гневе и не из-за какой-либо ссоры, а просто для смеха, уговорившись с приятелями. Это возмутительное бесчинство, сделавшись известным всему городу, вызвало, как и следовало ожидать, общее негодование; на другой день утром Алкивиад пришел к дому Гиппоники; постучавшись в дверь, он вошел и, сняв гиматий, отдался во власть хозяина, прося, чтобы тот наказал его плетью. Гиппоник простил его, перестал гневаться и впоследствии отдал ему в жены свою дочь Гиппарету. Некоторые же говорят, что не Гиппоник, а его сын Каллий отдал Алкивиаду Гиппарету с приданым в десять талантов. Однако потом, когда она родила, Алкивиад снова потребовал десять талантов, утверждая, что так было условлено, если родятся дети. Каллий же, боясь злоумышления, явился в Народное собрание и завещал свое имущество и дом народу в случае, если он умрет, не оставив наследников. Гиппарета была примерной и любящей мужа женщиной, но Алкивиад оскорблял жену своими связями с иностранными и городскими гетерами. Она ушла из дома и поселилась у брата. Алкивиад не был озабочен этим и продолжал свою распушенную жизнь. Прошение о разводе жена должна была подать архонту только лично, не через другого. Когда она явилась, чтобы поступить согласно закону, Алкивиад вышел и, схватив ее, понес через рынок домой; никто не посмел ни противодействовать ему, ни отнять ее. Она жила у него до самой смерти и умерла спустя много времени во время морского путешествия Алкивиада в Эфес. Насилие же решительно никому

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org не показалось противозаконным или жестоким, так как закон, вероятно, и рассчитан на то, чтобы благодаря необходимости для жены, требующей развода, явиться в публичное место, муж имел возможность примириться с ней и удержать ее.

IX. АЛКВИАД имел собаку удивительной величины и красоты, обошедшую ему в семьдесят мин; он отрубил ей хвост, бывший необыкновенно красивым. Близким, упрекавшим его и говорившим, что все порицают его за поступок с собакой, он сказал, улыбаясь: «Случилось так, как я желал: мне хотелось, чтобы афиняне болтали об этом и не говорили обо мне чего-нибудь худшего».

X. ПЕРВОЕ его публичное выступление состоялось, как говорят, в связи с добровольным пожертвованием государству: он не готовился к этому, но, проходя мимо шумевших афинян, спросил о причине шума и, узнав, что вносят пожертвования, подошел и тоже, сделал взнос. Когда народ стал кричать и рукоплескать, Алкивиад от радости забыл о перепеле, который как раз был у него в гиматии. Птица, испугавшись, улетела, афиняне стали кричать еще больше, и многие, встав, принялись ее ловить. Кормчий Антиох поймал и отдал Алкивиаду, благодаря чему приобрел большую благосклонность последнего.

Происхождение Алкивиада, его богатство, доблесть в боях, множество друзей и родственников открывали ему большие возможности в достижении государственных должностей, но он больше всего стремился завоевать себе значение обаятельностью речи перед толпой. А что он был в этом силен, свидетельствуют комические поэты и величайший из ораторов, который говорит в своей речи против Мидия, что Алкивиад в дополнение ко всему прочему обладал блестящим красноречием. Если верить Теофрасту, человеку любознательному и в искусстве исторического изложения не уступавшему никому из философов, Алкивиад лучше всех умел найти и обдумать, что было необходимо в данном положении, если же нужно было не только найти, что говорить, но и облечь мысль в слова и фразы, то, не умея легко выпутываться из затруднения, он часто сбивался, останавливался среди речи и некоторое время молчал, стараясь вспомнить и схватить ускользнувший от него оборот.

XI. КОННЫЕ заводы Алкивиада прославились также большим количеством колесниц, потому что семи колесниц в Олимпию не послал никто, кроме него, ни частное лицо, ни царь. Победив, он получил, кроме первой, и вторую, и четвертую награды, как говорит Фукидид, по словам же Еврипида – и третью, что превосходит великолепием и славой все честолюбивые мечты в этой области. Еврипид говорил в своей оде: «Я воспою тебя, о сын Клиния. Прекрасна твоя победа; всего же прекраснее то, что не удавалось ни одному из эллинов: получить в состязании на колесницах и первую, и вторую, и третью награды, дважды, без труда достичь увенчания масличным венком и провозглашения глашатаем».

XII. ЭТА слава его еще возросла благодаря соревнованию городов. Эфесцы поставили ему великолепно украшенный шатер, жители города Хиоса кормили его лошадей и доставляли ему большое количество жертвенных животных, а лесбосцы – вино и другие припасы для его стола, за которым щедро угощались многие. Клевета или коварство дали повод еще больше говорить о честолюбии Алкивиада. Говорят, что был в Афинах некто Диомед, неплохой человек, друг Алкивиада, желавший получить награду на Олимпийских играх. Узнав, что у аргосцев есть общественная колесница, и видя, что Алкивиад имеет в Аргосе большое влияние и многих друзей, он убедил его купить эту колесницу. Алкивиад же, купив, записал ее на свое имя, не заботясь о Диомеде, недовольном и призывавшем в свидетели богов и людей. Кажется, началось даже судебное дело по этому поводу, и Иеократ написал «Речь об упряжке» в защиту сына Алкивиада, только в этой речи истцом является Тисий, а не Диомед.

XIII. КОГДА Алкивиад выступил на политическую арену, будучи еще совсем молодым, он сразу затмил других народных вожаков; продолжали борьбу с ним только Феак, сын Эрасистрата, и Никий, сын Никерата; последний был уже стариком и считался храбрейшим из стратегов; Феак же, как и Алкивиад, только начинал выдвигаться; будучи сыном знатных и прославленных родителей, он уступал ему во многом, и особенно в даре речи. В частной беседе он был обходительным и умел убеждать, но не обладал достаточной силой, чтобы вести борьбу в Народном собрании. Он, как говорит Еврипид,

Болтать был мастер, но беспомощен в речах.

Существует речь против Алкивиада, сочиненная Феаком, в которой написано

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org между прочим о том, что Алкивиад для своей ежедневной трапезы пользовался как собственными многочисленными золотыми и серебряными сосудами, принадлежавшими городу и употреблявшимися при торжественных процессиях. Был некто Гипербол из Пеитедского дема, о котором и Фукидид сообщает как о человеке порочном, а для авторов комедий он был постоянным объектом насмешек на театральной сцене. Но он спокойно и равнодушно слушал о себе дурные отзывы, пренебрегая славой (некоторые называют такое бесстыдство и безразличие смелостью и мужественным образом действий); никто его не любил, но народ часто пользовался им, желая осмеять и оклеветать знатных. В это время по его наущению народ намеревался прибегнуть к остракизму, применявшемуся всегда для обуздания тех из граждан, которые выделялись известностью, и влиянием; их изгоняли больше из зависти, чем из страха. Так как было ясно, что остракизму подвергнется один из трех соперников, Алкивиад объединил партии и, условившись с Никием, изгнал остракизмом Гипербола. Некоторые, однако, говорят, что он договорился не с Никеем, а с Феаком и, присоединив к себе его партию, изгнал Гипербола, не ожидавшего этого, так как раньше этому наказанию не подвергался ни один человек простого происхождения. Как раз это говорит комик Платон, упоминая о Гиперболе:

За низкий нрав наказан по заслугам он.
Однако же такое наказание
С клеймом его и предками не вяжется;
Не для таких изобретен был остракизм.

Обо всем этом я подробнее рассказал в другом месте.

XIV. АЛКИВИАДУ было не менее неприятно видеть Никия уважаемым врагами, чем почитаемым согражданами. Алкивиад был гостеприимцем лакедемонян и заботился о тех из них, которые были взяты в плен при Пилосе; но когда лакедемоняне заключили мир, главным образом благодаря Никию, и взяли пленных обратно, они стали ценить того очень высоко. В Греции говорили, что Перикл разжег войну. Никий же ее кончил, и большинство называло этот мир «Никиевым». Крайне рассерженный этим, Алкивиад, решил из зависти нарушить договор. Прежде всего, получая сообщения, что аргосцы из страха и ненависти к спартанцам ищут лишь случая к отпадению, он тайно подал им надежду на возможность союза с афинянами. Через посланцев и путем переговоров он поощрял вождей аргосского народа не бояться и не уступать лакедемонянам, а склониться на сторону афинян и выждать, так как они уже скоро раскаются и готовы нарушить мир. Когда лакедемоняне заключили союз с Беотией и передали афинянам Панакт не в хорошем состоянии, как следовало, а разрушив его, Алкивиад, видя, что афиняне рассержены, стал еще больше раздражать их; он смущал и поносил Никия, остроумно обвиняя его в том, что он, будучи стратегом, не захотел взять в плен неприятелей, запертых на Сфактерии, а после того, как их взяли другие, освободил их и отдал, чтобы сделать приятное лакедемонянам. Однако, говорил он, хотя Никий и был их другом, он не убедил их не заключать союз с Беотией и Коринфом, препятствуя в то же время тем из эллинов, которые хотели этого, стать друзьями и союзниками афинян, если это не было угодно лакедемонянам. В то время как Алкивиад клеветал таким образом на Никия, прибыли, словно по счастливой случайности, послы из Спарты, с первых же слов проявившие большую умеренность и утверждавшие, что они имеют неограниченные полномочия для заключения мира на любых приемлемых и справедливых условиях. Они благосклонно были приняты советом и на другой день должны были выступать в Народном собрании. Алкивиад, испугавшись, устроил так, чтобы послы предварительно поговорили с ним, и при встрече сказал: «Что случилось с вами, спартанцы, как могло остаться для вас неизвестным, что совет всегда ведет себя умеренно и дружелюбно с теми, кто к нему обращается, народ же очень высокомерен и требует многого? Если вы станете утверждать, что прибыли с неограниченными полномочиями, он поступит с вами несправедливо, диктуя вам условия и принуждая вас их принимать; не делайте такой глупости, если хотите, чтобы афиняне были умеренны в требованиях и не принуждали вас поступаться вашими решениями, а объявите, что по вопросу о претензиях афинян вы не имеете полномочий. Я со своей стороны поддерживаю вас, чтобы сделать приятное лакедемонянам». Подтвердив сказанное клятвой, Алкивиад отвлек их от Никия, так что они совершенно доверились ему, удивляясь его уму и красноречию, обнаруживающим в нем необыкновенного человека. На другой день народ собрался и послы явились. Алкивиад очень дружелюбно спросил у них, с чем они приехали. Они ответили на это, что полномочий для окончательных решений не имеют. Тотчас же Алкивиад набросился на них с гневным криком, словно не он, а с ним поступили несправедливо, называл их людьми коварными, не

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org
внушающими доверия, говоря, что они приехали не для того, чтобы сказать или сделать что-либо разумное; совет был раздосадован, народ разгневался, Никий же был изумлен и опечален изменчивостью послов, не подозревая обмана и хитрости.

XV. ПОСЛЕ отъезда лакедемонян Алкивиад, избранный стратегом, тотчас же склонил аргивян, мантинейцев и элейтгев к союзу с афинянами. Никто не похвалит способов, которые он применял для достижения своих целей, но сделано им было очень много: он разъединил и потряс почти весь Пелопоннес и противопоставил лакедемонянам у Мантинеи большое войско, устроив бой очень далеко от Афин. Для лакедемонян этот бой был рискованным, так как достигнутую в нем победу они не могли как следует использовать, в случае же поражения Лакедедону уже не легко было бы сохранить свое положение. Вскоре после этой битвы так называемая «тысяча» захотела уничтожить в Аргосе демократию и подчинить себе город. Пришедшие лакедемоняне уничтожили демократию, но народ снова взялся за оружие и победил их. Подоспевший Алкивиад упрочил победу аргосского народа и уговорил его, выстроив «длинные стены» до моря, вполне связать город с силами афинян. Он привез из Афин архитекторов и каменщиков и проявил такое рвение, что заслужил в Аргосе не меньшую любовь и влияние лично для себя, чем для Афин. Точно так же и жителей Патр он уговорил соединить их город длинными стенами с морем. «Афиняне вас проглотят», – сказал кто-то им. «Может быть, – ответил Алкивиад, – но постепенно и начиная с ног, лакедемоняне же – с головы и разом». Но афинянам он советовал держаться земли и постоянно напоминал молодым людям, чтобы они были верны клятве, которую давали в храме Агравла, – «почитать границей Аттики пшеницу, овес, виноград, маслину», т. е. смотреть как на свою на всякую возделанную и приносящую плоды землю.

XVI. ПРИ ВСЕЙ этой политической деятельности, речах, разуме и красноречии Алкивиад, с другой стороны, вел роскошную жизнь, злоупотребляя напитками и любовными похождениями, носил точно женщина, пурпурные одеяния, волоча их по рыночной площади, и щеголял своей расточительностью; он вырезывал части палубы на триерах, чтобы спать было мягче, т. е. чтобы постель его висела на ремнях, а не лежала на палубных досках; на его позолоченном щите не было никаких родовых эмблем, а только Эрот с молнией в руке.

Глядя на все это, почтенные люди испытывали отвращение и негодовали, боясь его своеволия и неуважения к законам, казавшимся чуждыми и как бы тираническими; чувства к нему народа хорошо выразил Аристофан, сказавший, что город Алкивиада

Жалеет, ненавидит, хочет все ж иметь.
Еще лучше выразил он ту же мысль аллегорически.
К чему было в Афинах льва воспитывать?
А вырос он – так угождать по норову.

Но его пожертвования, хорегии, непревзойденные дары городу, слава предков, мощь красноречия, телесная красота и сила, военная опытность и храбрость – все это заставляло афинян прощать ему все прочее и относиться к нему снисходительно, постоянно давая его преступлениям самые невинные названия, называя их честолобивыми выходками, шутками. Так было с Агатархом, художником, которого он запер, а после того, как тот расписал его дом, отпустил, богато одарив; Таврею, своему сопернику по хорегии, он дал пощечину, когда последний стал оспаривать у него победу. Он выбрал себе одну мелиянку из числа пленных, сделал ее своей любовницей, прижил с ней сына и воспитал его. И это называли человеколюбивым поступком, хотя Алкивиада считали главным виновником убийства всех взрослых жителей Мелоса, так как он поддержал такое решение Народного собрания. Аристофонт нарисовал Немею, державшую на руках Алкивиада; все в восторге сбегались смотреть на картину, но старики и этим были недовольны как чем-то тираническим и противозаконным. Считали очень меткими слова Архестрата, что Греция не смогла бы вынести двух Алкивиадов. Однажды Тимон, встретив торжествующего Алкивиада, которого провожали из Народного собрания, не уклонился от встречи, как обычно делал в отношении других, но, подойдя к нему и взяв его за руку, сказал: «Ты хорошо делаешь, что преуспеваешь, сын мой, ибо в тебе растет большое зло для всех этих людей». Некоторые рассмеялись, другие выругали его, но кое-кто весьма призадумался над этими словами. Так неопределенно было мнение об Алкивиаде из-за неровности его характера.

XVII. ЕЩЕ когда был жив Перикл, афиняне стремились в Сицилию и после его смерти взяли за дело, собирая так называемые «союзные и вспомогательные

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org отряды» и посылая их каждый раз тем, с которыми сиракузцы поступали несправедливо, подготавливая почву для более крупной экспедиции. Но Алкивиад был тем человеком, который воспламенил в них настоящую страсть к этому и убедил их приступить к покорению острова не по частям и не понемногу, а отплыв с сильным флотом; он убедил народ в возможности больших успехов, стремясь сам к еще большим. Он надеялся, что Сицилия будет не концом, как думали остальные, а только началом того, что он задумал. Никий удерживал народ, считая покорение Сиракуз делом нелегким. Алкивиад же, мечтая о Карфагене и Ливии, а вслед за этим и о присоединении Италии и Пелопоннеса, рассматривал Сицилию только как базу для войны. Он тотчас же преисполнил надеждами молодежь, которая и от стариков наслушалась о многих чудесных вещах, связанных с этим походом, и множество людей сидели в палестрах и на полукруглых скамьях, рисуя карту Сицилии и расположение Ливии и Карфагена. Однако философ Сократ и астролог Метон никогда, как говорят, не надеялись на какую-либо пользу для Афин от этого похода. Первый, вероятно, был посещен и предупрежден, как обычно, своим гением-покровителем. Метон же, либо опасаясь будущего вследствие разумной предусмотрительности, либо узнав о будущем при помощи какого-то гадания и основываясь на этом, притворился безумным и, взяв зажженный факел, хотел поджечь свой дом. Некоторые, однако, говорят, что Метон не выдавал себя за безумного, а сжег ночью свой дом и, явившись на другое утро в Народное собрание, стал умолять народ по случаю такого страшного несчастья освободить его сына от похода. Обманув сограждан, он достиг просимого.

XVIII. НИКИЙ был избран стратегом против своей воли, стремясь избежать власти, главным образом из-за нежелания иметь такого сотоварища. Ибо афинянам казалось, что лучше можно будет вести войну, разведя крепкое вино водой, т. е. послав не одного Алкивиада, а присоединив к его отваге рассудительность Никия. К тому же третий стратег, Ламах, несмотря на свой зрелый возраст, отличался не меньшей горячностью и любовью к риску во время сражений, чем Алкивиад. Когда уже обсуждался вопрос о численности экспедиции и ее подготовке, Никий попытался еще раз приостановить поход и задержать выступление. Однако Алкивиад выступил против этого и поставил на своем; один из ораторов, Демострат, внес предложение, чтобы стратеги имели неограниченные полномочия и в приготовлениях к войне и в ее ведении. Народ утвердил решение, и все было готово к отплытию флота, но не предвиделось ничего хорошего еще и из-за праздника Адониса, пришедшегося как раз на эти дни, когда женщины выставляют множество изображений, напоминающих вынос покойников, как бы устраивают их похороны, бьют себя в грудь и поют похоронные песни, подражая погребальным обычаям. Изуродование герм (у большей части их в одну и ту же ночь были отбиты выдающиеся части) испугало многих, даже из числа тех, которые обычно пренебрегают подобными приметами. Говорили, что коринфяне, колонистами которых были сиракузяне, совершили это для того, чтобы из-за предзнаменования произошла приостановка или перемена решения относительно войны. Но народ не верил ни этим речам, ни тем, которые полагали, что здесь нет никакой дурной приметы, а считали виновниками происшедшего необузданных молодых людей, переходящих, как это обыкновенно бывает под влиянием чистого, не смешанного с водой вина от шуток к буйству. Гнев и страх заставили их воспринимать случившееся как поступок заговорщиков, решившихся на серьезное дело: совет и народ, собираясь часто в течение нескольких дней для рассмотрения этого дела, начали сурово расследовать все, что внушало подозрение.

XIX. В ЭТО ВРЕМЯ демагог Андрокл представил нескольких рабов и метэков, которые донесли, что Алкивиад и его друзья еще и в другом случае изуродовали статуи богов, а кроме того, в пьяном виде пародировали мистерии. Они говорили, что некто Теодор изображал вестника, Политион – жреца-факелоносца, а Алкивиад – иерофанта; остальные друзья также присутствовали; их посвящали в мистерии и называли мистами. Все это было включено в жалобу Фессала, сына Кимона, обвинявшего Алкивиада в поругании Деметры и Керы. Андрокл, злейший враг Алкивиада, подстрекал возмущенный и негодующий против Алкивиада народ. Странники последнего сначала встревожились; однако, узнав, что матросы, которые должны были плыть в Сицилию, как и сухопутные войска, ему преданы, и услышав, что тысяча голплитов из аргиев и мантинейцев говорят открыто, что они отправляются в далекий поход за море только из-за Алкивиада и в случае какой-либо несправедливости по отношению к нему тотчас повернут назад, они ободрились и в назначенный день явились, чтобы выступить с защитой; это вызвало беспокойство их врагов, которые опасались, чтобы народ не стал более снисходительным к Алкивиаду, нуждаясь в нем. Чтобы воспрепятствовать этому, враги Алкивиада пустились на хитрость; некоторые из ораторов, не

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org считавшиеся врагами Алкивиада, но ненавидевшие его не меньше, чем открытые противники, выступили перед народом, говоря: «Нелепо было бы, чтобы человек, выбранный полномочным стратегом таких крупных сил, теперь, когда войско и союзники уже готовы к выступлению, терял драгоценное время, ожидая, пока окончится жеребьевка судей и судебная процедура, отмеряемая водяными часами. Итак, пусть он теперь отплывает в добрый час, а после окончания войны явится сюда, чтобы защищаться согласно тем же законам». От Алкивиада не скрылся коварный характер этой отсрочки; он выступил и сказал народу, что было бы возмутительным посылать его во главе таких больших сил с тяготеющим на нем недоказанным обвинением. Если он не сможет защититься, его следует казнить, если же он оправдается, то сможет выступить против врагов, не опасаясь доносчиков.

XX. ТАК КАК он не смог убедить народ и получил приказ о выступлении, он отправился с двумя другими стратегами, имея немногим менее ста сорока триер, пять тысяч сто гоплитов, около тысячи трехсот лучников, пращников и легковооруженных, а также немалое количество всякого снаряжения. Высадившись в Италии и взяв Регий, Алкивиад высказал свое мнение о том, каким способом надлежит вести войну. Никий возражал ему, Ламах же присоединился к этому плану. Алкивиад, отплыв в Сицилию, взял Катану, но не смог совершить более ничего, так как в это время был вызван афинянами для разбора дела. Как уже было сказано, сначала Алкивиаду были предъявлены только неубедительные подозрения и обвинения на основании показаний рабов и метэков, но затем враги в его отсутствие стали еще ожесточеннее нападать на него и присоединили к поруганию герм также и профанацию мистерий, утверждая, что и то и другое исходило из заговора, направленного к государственному перевороту. Афиняне заключили в тюрьму без суда всех обвиненных по этому делу и раскаивались, что они не вынесли решения о привлечении к суду и не осудили Алкивиада за такие преступления еще до его отъезда. Народ переносил свой гнев против Алкивиада на всех его родных, друзей и знакомых, попадавших на глаза. Фукидид не называет имена доносчиков на Алкивиада, другие же упоминают в их числе Диоклида и Тевкра, как, например, комический поэт Фриних в следующих стихах:

О милый мой Гермес, остерегись, чтоб ты,
Упав, не потерпел вреда, возможность дав
Второму Диоклиду злой донос писать.
И в другом месте:
Умолкну я – ведь не хочу, чтоб за донос
Пришлец-разбойник Тевкр награду снова взял.

К тому же доносчики не могли показать ничего ясного и неоспоримого. Так, один из них на вопрос, как смог он узнать лица осквернителей герм, отвечал: «При лунном свете». В этом он сбился, так как во время происшествия было новолуние. Это возмутило всех рассудительных людей, но народ не стал меньше доверять доносам; наоборот, принимал их с прежней горячностью и бросал в тюрьму всякого, кого бы ни оклеветали.

XXI. СРЕДИ тех, кто был заключен в это время в тюрьму и ожидал расследования, находился оратор Андокид, которого историк Гелланик причислил к потомкам Одиссея. Этот Андокид слыл за человека, ненавидящего демократию и настроенного олигархически. Вот что заставляло больше всего подозревать его в изувечении герм: около его дома находилась большая герма, воздвигнутая в качестве приношения филы Эгеиды и оставшаяся почти единственной неповрежденной из числа наиболее известных. Поэтому она и сейчас называется гермой Андокида, и все дают ей это имя, хотя надпись и свидетельствует о другом. Случилось так, что в тюрьме один из заключенных по этому делу, некто Тимей, тесно сдружился с Андокидом; уступая последнему в знатности, он обладал исключительной сообразительностью и дерзостью. Он уговорил Андокида признать виновным себя и еще немногих других, так как постановление Народного собрания обещало прощение тем, кто сознается добровольно. Судебное же расследование, говорил он, ненадежно для всех вообще, но особенно следует опасаться его знатным; поэтому лучше спасти свою жизнь ложью, чем позорно погибнуть с тем же обвинением. К тому же и для общего блага было бы полезнее пожертвовать несколькими людьми, хотя бы их преступление и было сомнительно, чтобы избавить многих честных людей от ярости народа. Эти слова и предложение Тимея убедили Андокида; он обвинял себя и других и на основании постановления получил себе прощение: всех же тех, кого он назвал, предали смерти, за исключением скрывшихся за границу. Чтобы внушить больше доверия к своим показаниям, Андокид назвал в числе виновных нескольких из своих собственных рабов. Однако это не успокоило

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org совершенно злобы народа; расправившись с осквернителями герм, он, освободившись от других забот, обратил весь свой гнев на одного Алкивиада; в конце концов за ним послали «Саламинию» с благоразумным приказом не применять к Алкивиаду насилия и не поднимать на него руку, а вежливо попросить его отправиться с ними вместе на суд и оправдаться перед народом. Ибо они боялись волнения среди войска, находившегося на вражеской территории, которого легко мог добиться Алкивиад, если бы захотел. Действительно, после отъезда Алкивиада войско пало духом, предвидя, что при Никии война будет вестись медленно и вяло, как если бы исчезла подгонявшая события шпора, ибо Ламах, будучи и воинственным и мужественным, не пользовался ни уважением, ни значением из-за своей бедности.

XXII. ОТПЛЫТИЕ Алкивиада тотчас же лишило афинян мессены. Были люди, желавшие предать город; Алкивиад, прекрасно их зная, выдал их друзьям сиракузян и испортил дело. Прибыв в Турий и сойдя с триеры, он скрылся и избежал разыскивающих его. Кто-то, узнав его, сказал: «Ты не доверяешь своей родине, Алкивиад?». «Верю во всем, – ответил он, – но когда дело идет о моей жизни, я не поверю и матери, чтобы она каким-либо образом, по ошибке, не положила вместо белого камня черный». Позже, услышав, что государство приговорило его к смерти, он сказал: «Я докажу, что я жив!». Жалоба, поданная на него, содержала следующее: «Фессал, сын Кимона из Лакиадского дема, обвиняет Алкивиада, сына Клийния из Скамбонидского дема, в оскорблении двух богинь, Деметры и Керы, путем подражания мистериям, которые он показывал у себя в доме своим товарищам, надевая длинное платье, подобное тому, какое носит иерофант, совершающий таинства, и называя себя иерофантом. Политиона – жрецом-факелоносцем, Теодора из дема Фегея глашатаем, других же друзей – мистами и эпоптами, чем нарушил законы и правила, установленные эвмолпидами, кериками и жрецами элевсинских мистерий». Алкивиад был осужден заочно, имущество его конфисковали, и еще было постановлено, чтобы его прокляли все жрепы и жрицы, из которых только одна, Феано, дочь Меиона, из храма Агравлы, отказалась подчиниться постановлению, сказав, что она жрица для благословения, а не для проклятия.

XXIII. В ТО ВРЕМЯ как были приняты эти решения и Алкивиад был осужден, он бежал из Турий в Пелопоннес; сперва он провел некоторое время в Аргосе, но, опасаясь врагов и потеряв всякую надежду вернуться на родину, обратился к Спарте, прося убежища и обещая в будущем принести помощи и пользы больше, чем он принес вреда прежде, сражаясь против нее. Спартиаты исполнили его просьбу и приняли его гостеприимно; прибыв, он тотчас же энергично выполнил одно дело, – побудил их, медливших и действовавших нерешительно, помочь сиракузянам и уговорил послать полководцем Гилиппа, чтобы разбить силы афинян в Сицилии; вторым его делом было возобновление с этого же времени войны с самими Афинами; наконец, третьим и самым важным – укрепление, по его совету, Декелии, что явилось наиболее разорительным и губительным для афинян. Этим он достиг большой популярности как политический деятель; не меньшее удивление, однако, вызывала и его частная жизнь: он умел польстить народу, и своим подражанием спартанскому образу жизни до того очаровал его, что все, кто видел его отпустившим длинные волосы, купающимся в холодной воде, питающимся ячменным хлебом и черной похлебкой, не верили и сомневались, имел ли этот человек некогда собственного повара и собственного поставщика благовоний, носил ли он когда-нибудь милетский плащ. Ибо, как говорят, наряду с прочими дарованиями он обладал величайшим искусством пленять людей, применяясь к их привычкам и образу жизни, чтобы стать похожим на них; в искусстве менять свой облик он превосходил даже хамелеона, который, по общепринятому мнению, не может принять только одного цвета белого; Алкивиад же, напротив, мог применить и подражать в равной мере как хорошим, так и плохим обычаям. Так, в Спарте он занимался гимнастикой, был прост и серьезен, в Ионии – изнежен, предан удовольствиям и легкомыслию, во Фракии – пьянствовал и увлекался верховой ездой; при дворе сатрапа Тиссаферна – превосходил своей пышностью и расточительностью даже персидскую роскошь. Дело обстояло, однако, не так, чтобы он легко переходил от одной склонности к другой, меняясь при этом и внутренне, но, не желая оскорблять своим природным обликом тех, с кем ему приходилось иметь дело, он принимал облик, подобный им, скрываясь под этой маской. В Лакедемоне можно было, например, сказать о нем судя по его наружности:

Не сын Ахилла это; это – сам Ахилл,
Воспитанный Ликургом;

на основании же его подлинных склонностей и действий надо
было бы сказать:

все та же это женщина.

Так, пока царь Агид находился в походе вне Спарты, Алкивиад до того развратил его жену, Тимею, что она, забеременев от него, даже не скрывала этого. Когда у нее родился сын, она назвала его официально Леотихидом, дома же говорила потихоньку своим подругам и рабыням, что его зовут Алкивиадом; так сильна была овладевшая ею страсть к нему. Сам Алкивиад имел дерзость заявить, что сделал это не из желания оскорбить царя и не из-за сладострастия, но желая, чтобы его потомки правили лакедемонянами. О случившемся многие доносили Агиду, однако более всего он поверил свидетельству времени: однажды, во время землетрясения, испуганный Агид убежал из спальни своей жены и после этого не жил с ней в течение десяти месяцев; так как Леотихид родился после этого времени, то он отказался признать его своим сыном и поэтому впоследствии Леотихид был лишен прав на престол.

XXIV. ПОСЛЕ поражения афинян в Сицилии хиосцы, лесбосцы и жители Кизика отправили посольство в Спарту, чтобы договориться о своем отпадении от Афин. Беотийцы содействовали лесбосцам, Фарнабаз – Кизику; однако, по совету Алкивиада, решили прежде всего помочь хиосцам. Отплыв сам с флотом, Алкивиад не только склонил к отпадению от Афин почти всю Ионию, но, действуя вместе с другими спартанскими полководцами, причинял много вреда афинянам.

Агид, относившийся к Алкивиаду враждебно за оскорбление жены, стал теперь завидовать его славе, слыша от всех, что почти все делается и имеет успех благодаря Алкивиаду. Из прочих спартанцев наиболее влиятельные и честолюбивые тоже досадовали на Алкивиада, завидуя ему. Они добились того, что эфоры послали в Ионию приказание убить Алкивиада. Алкивиад, будучи тайно предупрежден об этом и испугавшись, хотя и принимал участие во всех действиях лакедемонян, избегал попадаться им в руки. Для своей безопасности он отдался в руки персидскому сатрапу Тиссаферну и вскоре стал первым и влиятельнейшим лицом при его дворе. Персу, не отличавшемуся ни прямою, ни искренностью, но имевшему злой и коварный характер, нравились необычайная изворотливость и одаренность Алкивиада. Впрочем, не нашлось бы такого характера или нрава, который смог бы не покориться и остаться равнодушным к очарованию Алкивиада, проводя с ним все дни и отдыхая за столом. Даже те, кто боялся его и завидовал ему, испытывали удовольствие и радость, встречаясь с ним и видя его. Тиссаферн, который был из всех персов самым заклятым врагом греков, был настолько очарован лестью Алкивиада, что даже превзошел его любезностью. Самый красивый из своих садов с полезными для здоровья источниками и лугами, с великолепными беседками и местами для прогулок, отделанными с чисто царской роскошью, он приказал назвать «Алкивиадовым»; это название еще долго оставалось в общем употреблении.

XXV. АЛКИВИАД, не надеясь больше на спартиатов, которым он не доверял, и опасаясь Агида, стал вредить им и чернить их в глазах Тиссаферна, советуя последнему не давать им помощи настолько значительной, чтобы полностью уничтожить афинян, но, помогая скупно, спокойно теснить и обессиливать греков, предоставив и тем и другим истреблять друг друга и стать покорными царю. Тот охотно послушался, явно выказывая свою дружбу и восхищение, благодаря чему Алкивиад стал предметом внимания обоих соперничавших греческих государств; афиняне, попав в беду, раскаивались в своем решении об Алкивиаде, а сам Алкивиад был недоволен и боялся, что в случае полного поражения Афин он попадет в руки ненавидевших его лакедемонян. Почти все силы афинян находились тогда у Самоса. Из этой базы отправлялся их флот, чтобы приводить к послушанию отпавшие города и охранять оставшиеся верными, поскольку они были еще в силах, так как на море они еще были равны по силе со своими врагами; однако они боялись Тиссаферна и ста пятидесяти финикийских триер, близкое, по слухам, прибытие которых не оставляло Афинам никакой надежды на спасение. Узнав это, Алкивиад тайно послал к самым влиятельным из находившихся на Самосе афинян, обещая сблизить их с Тиссаферном из желания быть приятным не народу, которому он не доверял, а аристократам, если они, проявив себя смелыми людьми и смирив своеволие народа, спасут без чьей-либо помощи государство в его тяжелом положении. Все охотно согласились с Алкивиадом. Только один из стратегов, Фриних из Дирадского дема, подозревал (как оно и было на самом деле), что Алкивиад так же мало было дела до олигархии, как и до демократии, и считал, что он, ища способов вернуться на родину, заранее вкрадывается в милость к влиятельным людям путем очернения народа. Поэтому Фриних выступил против предложения Алкивиада. Когда же победило противоположное мнение, Фриних, став уже открытым врагом Алкивиада, тайно послал вестника к Астиоху,

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org командующему вражеским флотом, причем советовал ему остерегаться Алкивиада и арестовать его, как двурушника. Изменнику не было известно, что он переговаривается с изменником. Астиох, в страхе перед Тиссаферном и видя, каким большим влиянием у него пользуется Алкивиад, донес Тиссаферну и Алкивиаду о поступке Фриниха. Алкивиад тотчас же послал на Самос доносчиков на Фриниха. Все в негодовании соединились против Фриниха, который не нашел другого способа выйти из затруднительного положения, как исправить зло еще большим злом. Он вторично послал к Астиоху, упрекая его за донос и обещая предать ему флот и лагерь афинян. Но афинянам не повредило предательство Фриниха благодаря новому предательству Астиоха: и об этом поступке Фриниха он сообщил приближенным Алкивиада; Фриних, предвидя это и ожидая вторичного обвинения со стороны Алкивиада, предупредил его и объявил афинянам, что обвинитель готовится к нападению; он посоветовал оставаться на кораблях и укрепить лагерь. Пока афиняне занимались этим, пришло новое письмо от Алкивиада с советом остерегаться Фриниха, как намеревающегося предать неприятелям рейд; афиняне не поверили, думая, что Алкивиад, прекрасно зная приготовления и намерения неприятелей, пользуется этим, чтобы незаслуженно оклеветать Фриниха. Однако, когда впоследствии Гермон, один из воинов охраны, поразил Фриниха кинжалом на рынке, афиняне приговорили на суде мертвого Фриниха как изменника, а Гермону и его соучастникам дали в награду венки.

XXVI. СТОРОННИКИ Алкивиада на Самосе, одержавшие теперь верх, послали Писандра в Афины, чтобы изменить государственный строй и поощрить влиятельных граждан к захвату власти в свои руки и к уничтожению демократии, обещая им за это от имени Алкивиада дружбу и союз Тиссаферна. Таков был предлог и повод для тех, которые вводили олигархию. Но когда так называемые «пять тысяч» (их было в действительности 400) приобрели влияние и захватили власть, они меньше всего считались с Алкивиадом и вели войну вяло, частью из-за недоверия к гражданам, относящимся несочувственно к этой перемене, частью надеясь на большую снисходительность к себе лакедемонян, всегда расположенных к олигархии. Народ, оставшийся в Афинах, поневоле сохранял спокойствие, напуганный убийством многих из открытых противников четырехсот.

Афиняне, бывшие на Самосе, узнав об этом и возмущившись, решили тотчас же плыть к Пирею; пригласив Алкивиада и избрав его стратегом, они попросили его предводительствовать ими и уничтожить тиранию. Можно было ожидать, что он, как человек, выдвинувшийся благодаря расположению массы, будет считать нужным во всем угождать тем, которые сделали его из бездомного изгнанника начальником и стратегом множества кораблей и такого сильного войска. Однако он держал себя, как подобает великому вождю: он выступал против всех, действовавших под влиянием гнева, удерживал их от ошибок и таким образом на этот раз спас город; ибо если бы они, снявшись с якоря, отплыли домой, противники тотчас захватили бы без боя всю Ионию, Геллеспонт и острова, а афиняне в это время сражались бы против афинян, перенеся войну в свой город. Помешал этому случиться один только Алкивиад, не только убеждая и поучая массу, но прося и порицая каждого в отдельности. Ему помогал Трасибул из Стирийского дема, держась близ него и громко крича, – он был, как говорят, самым громкоголосым из афинян. Вторым прекрасным поступком Алкивиада было то, что он взялся или склонить к переходу на сторону афинян или не допустить до соединения со спартанскими финикийские корабли, посланные царем и ожидаемые спартанцами. Он поторопился отплыть, и Тиссаферн не привел эскадры, уже появившейся у Аспенда, обманув лакедемонян; обе стороны обвиняли Алкивиада в том, что эскадра, не дойдя до места, вернулась обратно, особенно лакедемоняне, говорившие, что он посоветовал варвару предоставить эллинам уничтожать друг друга. Ибо было несомненно, что присоединение такой силы к одной из сторон полностью лишило бы другую владычества на море.

XXVII. ВСКОРЕ после этого четыреста были свергнуты, причем народная партия получила действительную помощь со стороны друзей Алкивиада. Оставшиеся в городе желали присутствия Алкивиада и просили его вернуться, но он полагал, что ему следует приехать со славой, а не с пустыми руками и ничего не сделав, благодаря состраданию и милости толпы. Поэтому прежде всего он отплыл из Самоса с небольшим количеством кораблей в Книдское и Косское моря. Там, узнав, что спартанец Миндар плывет со всем флотом в Геллеспонт, а афиняне его преследуют, Алкивиад поспешил на помощь стратегам. Случайно он прибыл со своими восемнадцатью триерами как раз в тот момент, когда уже все корабли, как спартанские, так и афинские, встретились и вступили в большое сражение при Абидосе. Битва продолжалась до самого вечера с

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org переменным успехом. Появление флота вызвало различные ожидания у обеих сторон: неприятели воспрянули духом, афиняне же смутились. Но Алкивиад, быстро подняв дружественный сигнал на корабле командующего, тотчас же напал на тех из пелопоннесцев, которые побеждали и преследовали афинян. Он обратил их в бегство, пригнал к берегу, ломал, напирая, корабли и избивал людей, спасавшихся вплавь, хотя пехота Фарнабаза, явившись им на помощь, защищала корабли с берега. В конце концов, взяв тридцать неприятельских кораблей и спасши свои, афиняне поставили трофеи. Гордясь своей блестящей удачей и желая почваниться перед Тиссаферном, Алкивиад отправился к нему, приготовив дары и подношения и сопровождаемый приличной командующему свитой. Он встретил прием, какого не ожидал, так как Тиссаферн, давно находясь на дурном счету у лакедемонян и боясь, чтобы его не обвинили перед царем, решил, что Алкивиад пришел к нему в самый подходящий момент и, схватив его, заключил в тюрьму в Сардах, чтобы при помощи этой несправедливости защищаться против обвинений.

XXVIII. ПО ПРОШЕСТВИИ тридцати дней Алкивиад достал откуда-то лошадь и, тайно убежав от сторожей, спасся в Клазомены. Сверх того он наклеветал на Тиссаферна, будто был освобожден им; сам же, приплыв в лагерь афинян и узнав, что Миндар находится в Кизике вместе с Фарнабазом, убедил воинов в необходимости для них сразиться с врагом и на суше и на море и даже напасть на неприятельские укрепления, говоря, что если они везде не победят, то не будут иметь денег.

Вооружив корабли и пристав у Проконнеса, он приказал заключить в середину мелкие суда и остерегаться, чтобы неприятели не смогли каким-либо образом заподозрить его прибытие. Случившаяся внезапно сильная гроза с большим дождем и темнотой содействовала ему и скрыла его приготовления. Не только противники ни о чем не подозревали, но и для самих афинян, уже отчаявшихся, было неожиданностью его приказание сесть на корабли и двинуться в путь. Вскоре темнота уменьшилась, и афиняне увидели корабли пелопоннесцев, стоявшие у гавани Кизика; Алкивиад, опасаясь, чтобы враги, ввиду его больших сил, не стали искать убежища на земле, приказал стратегам, плывя медленнее, остаться позади, сам же появился с сорока кораблями, вызывая врагов на бой. После того как те, совершенно обманутые и отнесясь презрительно к таким малым силам, двинулись навстречу неприятелю, тотчас же началось сражение; увидев же появившиеся уже во время боя остальные корабли афинян, испуганные лакедемоняне обратились в бегство. Алкивиад с двадцатью лучшими кораблями пробился через неприятельский флот, пристал к берегу и, высадившись, напал на бегущих с кораблей и многих перебил. Двинувшиеся на помощь Миндар и Фарнабаз были разбиты; Миндар, геройски сражаясь, был убит, Фарнабаз бежал. Победителям досталось множество трупов, оружие и весь флот. Овладев Кизиком, покинутым Фарнабазом после истребления пелопоннесцев, афиняне не только прочно укрепились на Геллеспонте, но и совсем изгнали лакедемонян из моря. Было перехвачено даже письмо, лаконически сообщавшее эфорам о случившемся несчастье: «Корабли погибли; Миндар погиб. Экипаж голодает. Не знаем, что делать».

XXIX. ВОИНЫ Алкивиада так подняли головы и возгордились, что считали недостойным делом, чтобы они, не знавшие поражения, общались с другими воинами, побежденными не раз. Ибо немногим раньше Трасилл был разбит у Эфеса, и для посрамления афинян эфесцы поставили медный трофей. Воины Алкивиада, гордясь собой и своим стратегом, упрекали за это воинов Трасилла и не хотели ни заниматься вместе с последними гимнастикой, ни иметь с ними общее место в лагере. Но, когда Фарнабаз, имея множество конницы и пехоты, напал на них в то время, как они вступили в Абидос, Алкивиад же, придя на помощь, обратил врагов в бегство и преследовал их до самой ночи вместе с Трасиллом, – войска соединились и вернулись в лагерь вместе, дружелюбные и веселые. На следующий день, поставив трофей, Алкивиад начал грабить страну Фарнабаза, не встречая нигде сопротивления. Он взял в плен несколько жрецов и жриц, но отпустил их без выкупа. Собираясь завоевывать Халкедон, отпавший от афинян и принявший к себе отряд и правителя лакедемонян, Алкивиад узнал, что халкедоняне, согнав скот со своей страны, отдали его на хранение в дружественную им Вифинию; он подступил к границе во главе войска и послал к вифинцам вестника с протестом. Испугавшись, те выдали ему скот и заключили с ним союз.

XXX. В ТО ВРЕМЯ как он обносил Халкедон стеной от моря до моря, подступил Фарнабаз с целью освободить город от осады, а правитель Гиппократ со всеми находившимися в городе силами напал на афинян. Алкивиад, сражаясь одновременно против обоих, обратил Фарнабаза в позорное бегство, Гиппократа

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org
же, победив, убил вместе с множеством его воинов. После этого, отплыв в Геллеспонт для сбора дани, он взял Селимбрию, причем некстати подверг себя опасности. Те, кто хотел предать ему город, должны были по условию поднять в полночь зажженный факел, но так как один из сообщников внезапно перешел к противнику, они, испугавшись, должны были дать сигнал преждевременно и подняли факел, прежде чем войско было готово. Алкивиад, взяв с собой около тридцати находившихся при нем воинов, беглым маршем отправился к укреплениям, приказав остальным наступать как можно быстрее. После того как городские ворота были открыты для него и к его тридцати воинам присоединилось двадцать легковооруженных, он вошел в город. Внезапно он увидел идущих к нему навстречу вооруженных селимбрийцев. Не было надежды на спасение, если остаться на месте; бежать же Алкивиаду не позволила гордость, после того как он вышел победителем из всех битв, случившихся до этого дня; он скомандовал трубачу сигнал молчания и приказал одному из находившихся при нем воинов возвестить селимбрийцам, чтобы они не поднимали оружия против афинян. Это заявление у одних отбило охоту сражаться, так как они думали, что все неприятельское войско вошло в город, другим же подало надежду на примирение. В то время как те и другие, сойдясь вместе, советовались, на помощь Алкивиаду прибыло все войско, и последний, заметив, как оно и было на самом деле, что селимбрийцы настроены миролюбиво, испугался, как бы фракийцы, множество которых охотно служило в войсках Алкивиада из любви и расположения к нему, не разграбили город. Поэтому он выслал их всех из города, селимбрийцам же, тронутый их просьбами, не причинил никакой несправедливости, но, взяв контрибуцию и поставив гарнизон, ушел.

XXXI. МЕЖДУ ТЕМ стратеги, осаждавшие Халкедон, заключили мир с Фарнабазом на следующих условиях: с Фарнабаза взять контрибуцию; халкедонянам быть опять подвластными Афинам; земли Фарнабаза не грабить; кроме того, Фарнабаз дает конвой для охраны афинских послов, отправляющихся к царю. Когда вернулся Алкивиад, Фарнабаз потребовал, чтобы он поклялся в исполнении условий договора, но тот сказал, что не станет клясться раньше Фарнабаза. Когда же клятва была принесена, Алкивиад двинулся против восставших византийцев и окружил город стеной. Так как Анаксилай, Ликург и некоторые другие соглашались сдать ему город, если он его пощадит, Алкивиад, распустив слух, что восстания, происходящие в Ионии, заставляют его уйти, отплыл днем со всеми судами; ночью же, вернувшись на берег, бесшумно подошел к стенам. Тем временем суда подплыли к гавани и захватили ее, напугав страшным шумом и криком не ожидавших этого византийцев и дав возможность сторонникам Афин безнаказанно впустить Алкивиада в то время, как все побежали на помощь в гавань к флоту. Однако без боя византийцы не сдались. Находившиеся в Византии пелопоннесцы, беотийцы и мегарцы, отбросив высадившихся и заставив их снова вернуться на корабли, заметили, что афиняне находятся в городе, и, построившись, вступили с ними в рукопашный бой. В последовавшей жаркой битве Алкивиад одержал победу на правом фланге, Ферамен – на левом; около трехсот оставшихся в живых из числа противников были взяты в плен. Никто из византийцев не был после сражения казнен или изгнан, ибо те люди сдали город на таких условиях, не выговорив никаких льгот лично для себя.

Поэтому Анаксилай, обвиненный в Лакедемонии в измене, произнес речь, в которой показал, что его поступок не был постыдным. Он сказал, что он не лакедемонянин, а византиец и что он видел в опасности не Спарту, а Византию; в осажденный город нельзя было ничего ввезти; хлеб, находившийся в городе, ели пелопоннесцы и беотийцы, византийцы же с женами и детьми голодали; он не предал города врагам, а избавил его от военных бедствий, подражая лучшим из лакедемонян, которые считают прекрасным и справедливым только одно – пользу родины. Лакедемоняне, услышав это, устыдились и освободили обвиняемых.

XXXII. АЛКИВИАД стал уже тосковать по родине, но еще больше желал он показаться согражданам в роли многократного победителя врагов; поэтому он отправился домой. Афинские триеры были со всех сторон украшены множеством щитов и добычи; они тянули за собой массу судов, взятых в плен, и увозили еще больше носовых украшений с победенных и потопленных кораблей. Тех и других было не меньше двухсот. Дурид Самосский, утверждающий, что он потомок Алкивиада, прибавляет еще, что Хрисогон, победитель на пифийских играх, играл на флейте песню для гребцов, а трагический актер Каллипид командовал ими, одетый в длинный хитон, мантию и другое платье, употребляемые на состязаниях, что корабль командующего вошел в гавань с пурпурными парусами, как если бы это была шумная процессия после попойки;

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org
но ни Теопомп, ни Эфор, ни Ксенофонт не упоминают об этом; да и не было прилично для Алкивиада так возноситься перед афинянами, возвращаясь домой после изгнания и стольких несчастий; напротив, он приближался со страхом и, подъехав, сошел с триеры не раньше, чем увидел, стоя на палубе, своего двоюродного брата Эвриптолема и других многочисленных друзей и родственников, ожидавших и поощрявших его. Когда он сошел на берег, встречавшие его люди, словно не видя других стратегов, сбегались к нему с криками и приветствиями, следовали за ним и подносили ему венки; те, кто не имел возможности приблизиться, смотрели на него издали, и старики показывали на него юношам. Но радость граждан смешивалась со слезами; и, сравнивая в памяти переживаемое счастье с прошлым горем, они заключили, что поход в Сицилию не окончился бы неудачей и не исчезли бы их надежды, оставь они тогда Алкивиада во главе предприятия и войск, если даже теперь, когда Афины успели почти полностью потерять владычество на море, а на земле с трудом удерживали предместья, будучи раздираемы враждой партий, он, застав город в таком положении, восстановил страну из жалких и незначительных остатков и не только вернул ей владычество на море, но и на суше сделал ее везде победительницей врагов.

XXXIII. ПОСТАНОВЛЕНИЕ о его возвращении, принятое еще прежде, внес сын Каллесхра, Критий, как он сам говорит в элегиях, напоминая Алкивиаду об оказанной ему любезности в следующих стихах:

То предложение, которым назад возвращен ты в отчизну,
Сам я составил, прочел и в исполнение привел.
Но мой язык запечатан; об этом сказать я не смею...

На созванном тогда же народном собрании выступил Алкивиад, рассказывая с грустью и слезами о своих несчастьях; однако народу он сделал лишь несколько мягких упреков и приписал все случившееся с ним несчастной судьбе и завистливому божеству; затем он рассказал о перспективах борьбы с врагами и призвал граждан к бодрости; народ увенчал его золотыми венками и избрал стратегом с неограниченными полномочиями на суше и на море. Было постановлено возвратить ему его имущество, а эвмолпидам и керикам предписано снять с него проклятия, наложенные ими по решению народа. Все жрецы исполнили очищение, один лишь Теодор заявил: «Что касается меня, то я его не проклинал и не призывал на него несчастья, если он не причинил зла Афинам».

XXXIV. ХОТЯ Алкивиад и достиг таким образом блестящего успеха, многим внушало опасения самое время его возвращения, ибо он высадился как раз в день «Празднества омовения» в честь богини Афины. Эти таинственные обряды свершаются жрецами праксиергидами в двадцать пятый день месяца таргелиона, когда они снимают все украшения со статуи богини и закрывают ее. Поэтому афиняне считают этот день одним из самых несчастливых для всяких начинаний. Таким образом, казалось, что богиня приняла Алкивиада сурово и неблагоприятно, закрыв свое лицо и не допустив его к себе. Однако все складывалось в соответствии с планами Алкивиада, и был уже сооружен флот из ста триер, готовый к отплытию; но овладевшее им благородное честолюбие задержало его до начала мистерий. Ибо с тех пор, как была укреплена Декелия и неприятель завладел всеми путями, ведущими в Элевсин, процессия, направлявшаяся к морю, уже не была великолепной, и все жертвоприношения, пляски и другие священные обряды, совершавшиеся в дороге во время проводов Иакха, были по необходимости прекращены. Алкивиад использовал эту прекрасную возможность, чтобы проявить свое почтение к богам и приобрести еще большую славу среди сограждан, вернув празднеству его исконный блеск, сопровождая процессию по суше до Элевсина и охраняя ее от неприятелей. Этим он надеялся также сильно унижить и смирить гордость Агида, если тот не нападет на процессию; в противном случае он решил отважиться на священную и угодную богам борьбу за самое святое и великое на глазах у отечества, сделав таким образом всех граждан свидетелями своей храбрости. Об этом решении Алкивиад заранее сообщил эвмолпидам и керикам и на рассвете расставил дозорных на холмах и выслал несколько воинов на разведку; затем, взяв с собой жрецов, мистов и мистагогов и окружив их вооруженными людьми, повел благопристойно и в молчании; этот поход Алкивиада был величественным, достойным богов зрелищем, и те, кто не завидовали ему, называли это истинной иерофантией и мистагогией. Никто из неприятелей не отважился сделать нападение, и Алкивиад благополучно привел, таким образом, процессию обратно в Афины. Это сильно увеличило его гордость; его воины также с гордостью считали себя непобедимыми с таким полководцем.

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org
Бедняков же и чернь Алкивиад очаровал до такой степени, что они страстно желали сделать его тираном; некоторые даже говорили об этом громко и призывали его к тому, чтобы он, не обращая внимания на завистников, ликвидировал решения народного собрания и законы, удалил болтунов, которые губили государство, и управлял делами по своему усмотрению, не опасаясь сикофантов.

XXXV. КАКИЕ намерения относительно тирании имел он сам, неизвестно, но наиболее могущественные из граждан, испугавшись, сильно торопили его с отплытием, принимая все решения, какие он хотел, и дав ему избранных им товарищей. Отплыв со ста кораблями и напав на Андрос, Алкивиад победил в бою андросцев и бывших вместе с ними лакедемонян, но самого города не взял, что послужило первым из общеизвестных обвинений, предъявленных ему его врагами. Если кто-нибудь был погублен собственной славой, так это именно Алкивиад. Слава об его храбрости и сообразительности была велика и благодаря его счастью еще увеличилась; это заставляло в случае неудачи подозревать его в небрежности, так как не верили, чтобы для него существовало что-либо невозможное; ничто не ускользнет от него, если он постарается. Надеясь услышать о покорении Хиоса и остальной Ионии, но узнавая, что все происходило не так быстро и просто, как они желали, афиняне раздражались, не принимая в расчет, что денег у Алкивиада не было, а воевать ему приходилось с людьми, воевавшими на средства великого царя; поэтому Алкивиаду часто приходилось отплывать, покидая лагерь, чтобы доставить жалованье и пищу. Это даже послужило поводом для последнего обвинения против него, ибо, когда Лисандр, назначенный лакедемонянами командующим флотом, стал давать каждому матросу четыре обола вместо трех из денег, которые он взял у Кира, Алкивиад, плативший уже с трудом и три обола, отправился собирать дань в Карию. Антиох, которому он поручил командование над флотом, был прекрасным кормчим, но во всем остальном – человеком безрассудным и грубым. Имея приказание от Алкивиада не сражаться даже в том случае, если неприятели выплывут к нему навстречу, он возгордился и пренебрег им; экипировав свою триеру и одну из остальных, он поплыл к Эфесу и разъезжал мимо носов неприятельских кораблей с неприличными и шутовскими жестами и криками. Сперва Лисандр выплыл с несколькими кораблями, чтобы его преследовать, но когда афиняне бросились на помощь, вывел все корабли и, победив, убил Антиоха, захватил множество судов и людей и поставил трофей.

Когда Алкивиад услышал об этом, он, вернувшись на Самос, выплыл со всем флотом и вызвал Лисандра на бой. Но тот удовольствовался одержанной победой и не вышел навстречу неприятелю.

XXXVI. ОДИН из находившихся в войске Алкивиада, его враг Трасибул, сын Трасона, отправился в Афины, чтобы обвинить его. Там он говорил, возбуждая народ, что Алкивиад погубил дела и потерял корабли, пренебрегая вверенной ему властью и передав командование людям, получившим при нем могущество благодаря пьянству и матросскому хвастовству, чтобы самому безнаказанно разъезжать, собирать деньги, развратничая и пьянствуя с абидосскими и ионийскими гетерами, в то время когда стоянка врагов находится в непосредственной близости. Его обвиняли также и в постройке укреплений во фракии около Бисанты, как убежища – точно он не может или не хочет жить на родине. Афиняне, поверив и выказывая свой гнев и неудовольствие против него, избрали других стратегов. Узнав об этом и испугавшись, Алкивиад ушел совершенно из лагеря и, собрав наемников, стал воевать с не имеющими царя фракийцами за свой собственный страх и риск; он собрал много денег от захваченных в плен и вместе с тем защищал от варваров пограничных эллинов.

Став стратегами, Тидей, Менандр и Адимант, собрав вместе все бывшие налицо корабли афинян и став при Эгоспотамах, завели обыкновение каждое утро на рассвете подплывать к эскадре Лисандра, стоявшей на якоре у Лампсака, вызывать его на бой и затем возвращаться обратно, проводя остальной день беспорядочно и беззаботно, как бы презирая неприятеля. Алкивиад, будучи вблизи, не мог оставить этого без внимания. Подъехав верхом, он заметил стратегам, что они выбрали для стоянки плохое место, лишенное гавани и города, так что им приходится получать все необходимое издали, из Сеста; что они не обращают внимания и на матросов, которые, высаживаясь на берег, блуждают, как им нравится, и рассеиваются, в то время как против них стоит флот, привыкший без возражений повиноваться всякому приказанию не ограниченного в своей власти начальника.

XXXVII. СТРАТЕГИ не обратили внимания на эти слова Алкивиада и на его совет

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org перевести флот в Сест на стоянку. Тидей же надменно приказал ему удалиться, ибо командует не он, а другие. Алкивиад ушел, подозревая, что здесь не без измены, и сказал приятелям, провожавшим его из лагеря, что если бы он не был оскорблен стратегами, то в несколько дней принудил бы лакедемонян либо вступить против их желания в морское сражение, либо покинуть корабли. Некоторые считали, что он хвастает, другие же – что может действительно случиться так, как он говорит, если он, приведя по суше множество фракийских стрелков и всадников, вступит в бой со спартамцами и внесет смятение в их лагерь. Однако события вскоре доказали, что он прекрасно понимал, в чем ошибки афинян. Лисандр внезапно и неожиданно напал на них в то время, когда они этого не ожидали; спаслись бегством только восемь триер под командой Конона, оставшиеся же в числе почти двухсот были уведены в плен. Три тысячи человек, захваченных в плен, были казнены Лисандром. Немного времени спустя он взял Афины, сжег флот и разрушил Длинные стены. Алкивиад, боясь лакедемонян, господствующих теперь и на суше, и на море, переехал в Вифинию, увозя с собой множество ценностей, но еще большее число их оставив в своих крепостях. В Вифинии он опять лишился значительной части своего имущества – оно было отнято у него фракийцами – и решил отправиться к Артаксерксу, надеясь, что царь, испытав его, отнесется к нему не хуже, чем к Фемистоклу, так как он действовал по более благородным мотивам, ибо он обратился к могуществу царя не против своих сограждан, как тот, но для защиты родины от врагов и помощи ей. Надеясь, что Фарнабаз скорее всего доставит ему случай безопасно проехать, он отправился к нему во Фригию и поселился у него, услуживая ему и вместе с тем пользуясь его уважением.

XXXVIII. АФИНЯНЕ тяжело переносили утрату гегемонии, но после того, как Лисандр, лишив их свободы, передал город Тридцати и дело их было окончательно погублено, они стали понимать, чем они должны были воспользоваться и не воспользовались, пока спасение было еще возможно; горюя, они пересчитывали свои заблуждения и ошибки, из которых считали наибольшими свой вторичный гнев против Алкивиада; они отстранили его от дел без всякой вины с его стороны, но, негодуя на кормчего, постыдно потерявшего несколько кораблей, сами поступили еще постыднее, лишив государство самого мужественного и самого воинственного из стратегов. И даже в теперешнем положении оставалась слабая надежда, что дела афинян не погибли окончательно, пока жив Алкивиад. Ибо, как раньше, будучи в изгнании, он не любил бездеятельной и спокойной жизни, так и теперь, если он будет иметь достаточно сил, он не снесет надменности лакедемонян и бесчинств Тридцати. Эти мечты народа не были невероятными, когда даже Тридцать были озабочены Алкивиадом и разведывали, что он делает и что задумывает.

В конце концов Критий заявил Лисандру, что лакедемоняне не могут безопасно властвовать в Элладе, пока у афинян будет существовать демократия. Если даже афиняне совершенно спокойно и охотно примут олигархию, Алкивиад, пока он жив, не позволит ему удовольствоваться существующим порядком. Однако Лисандр обратил внимание на эти слова не раньше, чем получил из дому скиталу с приказанием отделаться от Алкивиада, потому ли, что спартамцы боялись его энергии и способности к великим делам, или же из желания сделать приятное Агиду.

XXXIX. КОГДА лисандр послал к Фарнабазу, прося это исполнить, тот поручил дело своему брату Багою и дяде Сузамитру. Алкивиад жил тогда в одном селении, во Фригии, вместе с гетерой Тимандрой. Однажды он увидел себя во сне одетым в платье гетеры, она же, держа в руках его голову, украшала его лицо, как это делают женщины, румяня и намазывая белилами. По словам других, он видел во сне, что приближенные Багоя обезглавливают его и сжигают его тело. Случился этот сон, как говорят, незадолго до смерти. Те, кто был послан для его убийства, не дерзнули войти, но, окружив со всех сторон дом, подожгли его. Заметив это, Алкивиад, собрав большую часть своих одежд и ковров, бросил их в огонь; затем, обернув левую руку хламидой, а правой выхватив кинжал, выскочил невредимым через огонь, прежде чем вспыхнула одежда; варвары увидели его, но он заставил их разбежаться. Никто не посмел вступить с ним в рукопашный бой; став вдали, они забросали его копьями и стрелами. Когда он умер и варвары удалились, Тимандра подняла его тело, завернула в свои собственные одежды и похоронила, насколько было возможно, торжественно и почетно. Говорят, что Лаида, называемая коринфянской и попавшая в плен при взятии сицилийского городка Гиккара, была ее дочерью.

Некоторые, передавая о смерти Алкивиада те же подробности, считают причиной

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org
ее не Фарнабаза, не Лисандра, не лакедемонян, а самого Алкивиада, обесчестившего одну женщину из знатной семьи и жившего с ней; братья женщины, не вынеся этой дерзости, подожгли ночью дом, в котором жил Алкивиад, и убили его, как было рассказано, в тот момент, когда он выскакивал из огня.

ГАЙ МАРЦИЙ КОРИОЛАН

Перевод В. Алексеева

I. РИМСКИЙ патрицианский дом Марциев насчитывает среди своих членов многих знаменитых людей, между прочим, Анка Марция, внука Нумы, наследовавшего престол после Тулла Гостилия. К роду Марциев принадлежат также Публий и Квинт, которым Рим обязан устройством водопровода, снабжавшего его в изобилии прекрасною водою, далее, Цензорин, дважды избранный римским народом в цензоры и затем убедивший принять его предложенный им закон¹, запрещавший кому-либо дважды носить это звание.

Гай Марций, жизнеописание которого мы предлагаем, был после смерти своего отца воспитан вдовою-матерью, причем доказал, что сиротство, несмотря на множество соединенных с ним неприятностей, не мешает сделаться честным человеком и лишь дурные люди бранят его и жалуются на отсутствие за ними надзора как на причину своей нравственной испорченности. С другой стороны, он же дал возможность убедиться в справедливости мнения тех, кто думает, что задатки благородного и доброго при отсутствии воспитания вместе с хорошим дают много дурного, как и плодородная почва, лишенная обработки. Его во всех отношениях сильный, могучий ум внушал ему горячее и пылкое стремление к прекрасному; но его страшная вспыльчивость и не знавшая меры гневливость делали его человеком, с которым другим было трудно жить в мире. С удивлением смотрели на его равнодушие к чувственным наслаждениям и деньгам, на его любовь к труду, его, как выражались, умеренность, справедливость и мужество и не любили его вмешательства в государственные дела из-за неприятного нрава его и олигархических замашек. Действительно, высшее благо, которое человек получает от Муз, состоит в том, что образование и воспитание облагораживают его характер; благодаря им его ум приучается к умеренности и освобождается от излишеств.

В общем, в тогдашнем Риме из подвигов всего выше ценились подвиги на войне, в походе. Это видно из того, что понятия «добродетель» и «храбрость» выражаются по-латыни одним и тем же словом и что отдельное слово для обозначения понятия о храбрости сделалось общим именем для обозначения добродетели.

II. МАРЦИЙ более всего любил военное дело и уже в ранней юности стал учиться владеть оружием. Считая благоприобретенное оружие бесполезным для тех, кто не старается научиться владеть природным, умело обращаться с естественным, он готовил свое тело ко всякого рода борьбе, вследствие чего превосходно бегал, в схватках же и сражениях на войне обнаруживал силу, с которой было нельзя справиться. Кто спорил с ним относительно твердости и мужества и признавал себя побежденным, — объяснял причину своей неудачи непреодолимой силой его тела, способного переносить любые тяготы.

III. ЕЩЕ мальчиком, он в первый раз принял участие в походе, когда лишенный престола прежний римский царь, Тарквиний, после многих битв и поражений решил в последний раз испытать счастье. К нему присоединилась большая часть латинцев; под его знамена стеклось много и других италийских народов, которые двинулись на Рим не столько из желания оказать любовь царю, сколько из страха и зависти к возраставшему могуществу Рима с целью уничтожить его. В этом сражении, в то время когда участь его оставалась нерешенной, Марций, геройски сражавшийся на глазах диктатора, заметил, что один из римлян упал. Он не оставил его без помощи, но стал перед ним и, прикрывая его, убил нападавшего неприятельского солдата. Когда одержана была победа, Марций одним из первых получил в награду от полководца дубовый венок: по закону, этот венок давали тем, кто спасал на войне своего согражданина. Быть может, дубу оказывается предпочтение из уважения к аркадцам, названным оракулом «поедающими желуди», или потому, что солдаты могут везде найти дуб скоро и легко, или же потому, что дубовый венок, посвященный Юпитеру — покровителю городов, считается достойною наградой за спасение гражданина. Далее, из всех диких деревьев дуб приносит лучшие

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org
плоды, из садовых – самое крепкое. Из его желудей не только пекли хлеб, но он давал также мед для питья; наконец, он давал возможность есть мясо животных и птиц, доставляя птичий клей, одно из орудий охоты.

По преданию, в том сражении явились и Диоскуры. Тотчас после битвы они на взмыленных конях показались на форуме и объявили о победе, – на том месте, где в настоящее время им выстроен у источника храм. На этом основании и день победы, июльские иды, посвящен Диоскурам.

IV. НАГРАДЫ и отличия, полученные молодыми людьми, производят, кажется, различное действие. Если они получены слишком рано, они гасят в душах поверхностно-честолюбивых всякую жажду славы, скоро удовлетворяют эту жажду и производят в них пресыщение; но на души стойкие, мужественные – награды действуют ободряющим образом; они отличают их перед другими и, как ветер, несут к тому, что считается прекрасным. Они думают, что получили не награду, но сами дали залог, и стыдятся изменить своей славе и не заявить о себе еще более подобного же рода подвигами.

Так было с Марцием. Он видел себе соперника в храбрости в самом себе и, желая всегда превосходить себя самого в подвигах, к славным делам прибавил новые дела, к прежней добыче на войне – новую добычу, вследствие чего о наградах ему прежние его начальники всегда спорили с новыми и старались превзойти в отношении наград ему один другого. В то время римляне вели много войн, сражения происходили очень часто; но Марций не возвращался ни из одного из них без венка или какой-либо другой награды. Другие молодые люди старались показать себя храбрыми из желания прославиться; он жаждал славы, чтобы порадовать мать; чтобы она слышала, как его хвалили, видела с венком на голове и, обнимая его, плакала от радости, – вот что было в его глазах высшею славой и величайшим блаженством! Такими же чувствами был, говорят, одушевлен и Эпаминонд: он считал высшим счастьем для себя, что отцу и матери его удалось еще при жизни видеть его полководцем и слышать о победе, одержанной им при Левктрах. Но ему выпала завидная доля видеть, что и отец, и мать его делят его радость, его успехи, тогда как у Марция была в живых одна мать. Он считал долгом оказывать ей и то уважение, которое обязан был оказывать отцу. Вот почему он не уставал радовать и чтить свою Волумнию. Он даже женился по ее желанию и выбору и, когда уже сделался отцом, все-таки жил вместе с матерью. V. ОН УСПЕЛ приобрести себе большую известность и влияние своими подвигами на войне, когда сенат, защищая богатых, вооружил против себя народ, который считал себя страшно угнетенным многочисленными притеснениями со стороны ростовщиков. У кого было состояние средней руки, лишались всего, закладывая его, или посредством аукциона; у кого же не было ничего, тех тащили в тюрьмы, несмотря на их многочисленные раны и лишения, которым они подвергались в походах за отечество, в особенности в последнем против сабинцев. В то время богатые объявили, что требования их будут умереннее, и по решению сената консул Маний Валерий должен был поручиться в этом. Народ дрался геройски и разбил неприятеля; но ростовщики несколько не стали снисходительнее, сенат же делал вид, что забыл данное им обещание, и равнодушно смотрел, как они тащили должников в тюрьму или брали в кабалу. Столица волновалась; в ней собирались опасные сборища. В это время неприятели, заметившие несогласия среди народа, вторглись в римские владения и опустошали их огнем и мечом. Консулы призывали под знамена всех способных носить оружие; но никто не откликнулся на их зов. Тогда мнения магистратов разделились. Некоторые советовали уступить бедным и применять законы к ним не во всей строгости, другие не соглашались с ними. В числе последних был и Марций. По его мнению, главную причиной волнений были не денежные дела, но дерзость и наглость черни; поэтому он советовал сенаторам, если у них есть ум, прекратить, уничтожить попытки нарушить законы в их самом начале.

VI. ОТНОСИТЕЛЬНО этого сенат в короткое время имел несколько заседаний, но не принял окончательного решения. Тогда бедняки неожиданно собрались вместе и, советуя один другому не падать духом, вышли из города, и, заняв нынешнюю Священную гору, расположились стоянкой на берегу реки Аниена. Они не производили никаких насилий и не поднимали знамени бунта, – они кричали только, что, собственно, богачи давно выгнали их из города; что Италия везде даст им воздух, воду и место для могилы и что, живя в Риме, они ничего иного и не получали в награду за то, что сражались за богачей. Испуганный этим сенат отправил к ним в качестве послов старших и самых мягких по характеру и расположенных к народу своих членов. Первым стал говорить Менений Агриппа. Он обращался к народу с горячими просьбами, много и смело говорил в защиту сената и кончил свою речь известною басней.

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org
Однажды, сказал он, все члены человеческого тела восстали против желудка. Они обвиняли его в том, что один он из всего тела ничего не делает, сидит в нем без всякой пользы, между тем как другие, для угождения его прихотям, страшно трудятся и работают. Но желудок смеялся над их глупостью: они не понимали того, что, если в него и идет вся пища, все же он отдает ее назад и делит между остальными членами. «Так поступает, граждане, по отношению к вам и сенат, – закончил Агриппа, в нем имеют начало планы и решения, которые он приводит в исполнение с надлежащею заботливостью и которые приносят доброе и полезное каждому из вас».

VII. ЕГО речь расположила народ к миру. Народ потребовал от сената право выбирать пятерых лиц для защиты беспомощных граждан, нынешних народных трибунов, и добился этого права. Первыми трибунами избраны были предводители недовольных, – Юний Брут и Сициний Беллут. Когда в городе восстановилось спокойствие, народ немедленно взялся за оружие и охотно отправился в поход вместе со своими начальниками. Лично Марций был недоволен победою народа и уступками знати и видел, кроме того, что его мнение разделяют и многие другие патриции, тем не менее советовал им не уступать народу в войне за отечество и отличиться перед народом более своею доблестью, нежели влиянием. VIII. В ЭТО ВРЕМЯ римляне вели войну с вольсками. Из их городов большею в сравнении с другими известностью пользовались кориолы. Когда войска консула Коминия окружили его, остальные вольски в страхе отовсюду пошли к нему на выручку, чтобы дать под стенами города сражение и напасть на римлян с двух сторон. Коминий разделил свое войско – сам двинулся против вольсков, желавших заставить его снять осаду, вести же последнюю поручил храбрейшему из римлян, Титу Ларцию. Кориоланцы, относясь с презрением к оставшимся неприятельским войскам, сделали вылазку. В сражении им сперва удалось разбить римлян и заставить их укрыться в лагере; но Марций выбежал оттуда с кучкой солдат, убил первых попавшихся ему неприятелей, остановил наступление других и стал громким голосом звать римлян вторично принять участие в сражении, в нем было все, что требует от солдата Катон, – не только рука, наносившая тяжелые удары, но и громкий голос и взгляд, наводившие ужас на неприятеля, обращавшие его в бегство. Когда вокруг него стали собираться солдаты и их набралось много, враги, в страхе, начали отступать. Марцию этого было мало – он стал преследовать их и гнал их, уже обратившихся в дикое бегство, до самых городских ворот. Заметив, что римляне прекратили преследование, – стрелы градом сыпались на них со стен, смелая же мысль ворваться вместе с беглецами в город, наполненный неприятельскими войсками, не могла прийти в голову никому, – Марций сам остановился и стал звать римлян, ободрял их и кричал, что, по счастливой случайности, ворота города открыты скорей для преследователей, чем для беглецов. Идти за ним решились только немногие. Он пробился сквозь толпы неприятелей, бросился к воротам и ворвался в город вместе с беглецами. Вначале он нигде не встретил сопротивления: никто не посмел выступить ему навстречу; но, когда затем враги заметили, что римлян в городе очень немного, они сбежались и вступили в сражение. И римляне, и неприятели смешались. Тогда-то Марций выказал, говорят, в сражении в самом городе чудеса храбрости – в этом бою узнали его сильную руку, быстроту ног и смелую душу: он побеждал всех, на кого ни нападал. Одних противников он прогнал в самые отдаленные части города, других заставил сдаться, сложить оружие и тем дал Ларцию полную возможность ввести в город находившиеся в лагере римские войска.

IX. ТАКИМ ОБРАЗОМ город был взят. Почти все солдаты бросились грабить, отыскивая дорогие вещи. Марций был возмущен и кричал, что, по его мнению, подло солдатам ходить по городу, собирая ценные вещи, или прятаться от опасности под предлогом наживы, в то время, когда консул со своим войском встретил, быть может, неприятеля и вступил с ним в сражение. Его слушали немногие, поэтому он взял с собою тех, кто желал следовать за ним, и отправился по той дороге, по которой, как он заметил, выступило войско. Он то ободрял своих солдат и советовал им не падать духом, то молился богам, чтобы ему не опоздать, прийти во время, когда сражение еще не кончилось, принять участие в битве, деля опасности вместе с согражданами.

В то время у римлян существовал обычай – выстроившись перед сраженьем в ряды и подобрав тогу, делать устные завещания, назначая себе наследника, в присутствии трех или четырех свидетелей. За этим занятием и застал Марций солдат, стоявших уже в виду неприятеля. Сначала некоторые испугались, заметив его покрытым кровью и потом, в сопровождении кучки солдат; но, когда он подбежал к консулу, в восторге протянул ему руку и объявил о взятии города, Коминий обнял и целовал его. Как те, кто узнал о

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org случившемся, так и те, кто догадывался о нем, одинаково ободрились и с криком требовали вести их в бой. Марций спросил Коминия, какую позицию занимает неприятель и где стоят его лучшие войска. Тот отвечал, что, если он не ошибается, лучшие войска состоят из антийцев, расположенных в центре и никому не уступающих в храбрости. «Прошу же тебя, – сказал Марций, – исполни мое желание, – поставь меня против этих солдат». Удивляясь его смелости, консул исполнил его просьбу. В самом начале сражения Марций ринулся вперед; первые ряды вольсков дрогнули. Та часть войска, на которую он напал, была немедленно разбита. Но неприятельские фланги сделали поворот и стали обходить его. Боясь за него, консул выслал на помощь ему лучших солдат. Вокруг Марция кипел ожесточенный бой. В короткое время обе стороны понесли большие потери. Римляне, однако, продолжали идти вперед, теснили неприятеля, наконец, разбили его и при преследовании просили Марция, обессиленного от утомления и ран, удалиться в лагерь. Он заметил им, что победители не должны знать усталости, и погнался за беглецами. Остальное войско неприятелей также потерпело поражение. Много было убитых и много взятых в плен.

X. КОГДА на следующий день пришел Ларций, консул, в виду собравшегося вместе войска, взшел на возвышение и, воздав богам должную благодарность за блестящую победу, обратился к Марцию. Прежде всего он горячо похвалил его, некоторые из его подвигов он видал лично, о других слышал от Ларция – затем приказал ему выбрать себе десятую часть из массы ценных вещей, лошадей и пленных, прежде общего дележа всего этого. Кроме того, он подарил ему в награду коня в полной сбруе. Римляне с восторгом приняли его слова. Тогда Марций выступил вперед и сказал, что принимает коня и рад слышать похвалы со стороны консула, но, считая остальное платой, а не наградой, отказывается от него и будет доволен частью, одинаковой с другими. «Одной милости хочу я от тебя и настоятельно прошу о ней, – продолжал Марций, обращаясь к консулу, у меня есть среди вольсков знакомый и друг, человек добрый и честный. Теперь он в плену и из счастливого богача сделан рабом. Над его головой собралось много горя, надо избавить его по крайней мере хоть от одного – продажи». Слова Марция были встречены еще с более громкими криками одобрения. Большинство удивлялось скорее его бескорыстию, нежели храбрости в сражении. Даже завидовавшие его блестящей награде и желавшие выступить его соперниками и те согласились тогда, что он заслуживает большой награды за то, что отказался взять большое, и более удивлялись его нравственным качествам, заставившим его отказаться от огромной суммы, нежели тому, чем он заслужил это. Действительно, больше чести – разумно пользоваться богатством, нежели уметь владеть оружием, хотя умение пользоваться богатством ниже отказа от него.

XI. КОГДА толпа перестала кричать и шуметь, потребовал слова Коминий. «Братья по оружию, – сказал он, – вам нельзя заставить человека принять награду, если он не принимает ее и не желает принять. Дадим же ему награду, от принятия которой он не может отказаться, – пусть он называется Кориоланом, если только раньше нас его подвиг не дал ему этого прозвища». С тех пор Марций стал называться третьим именем – Кориолана. Из этого совершенно ясно, что личное его имя было Гай, второе родовое, – Марций. Третье имя получали не сразу, и оно должно было напоминать подвиг, счастье, наружность или же нравственные качества. Так, греки давали в память каких-либо подвигов прозвища Сотера или Каллиника, за наружность – Фискона или Грива, нравственные качества – Эвергета или Филадельфа, счастье Эвдемона, прозвище, которое носил Батт II. Некоторые из царей получали прозвища даже в насмешку – Антигон Досон и Птолемей Латир. Еще чаще встречались подобного рода прозвища у римлян. Один из Метеллов был назван Диадемом за то, что раненый долго ходил с повязкой на голове, другой Целером за то, что успел всего через несколько дней после смерти отца дать в честь умершего гладиаторские игры, удивив тою быстротою и поспешностью, с какою умел устроить их. Некоторым римлянам до сих пор еще дают прозвища, смотря по тому, когда они родились, – сыну, родившемуся во время отъезда отца, – Прокла, после смерти его – Постума. Одного из близнецов, пережившего брата, зовут Вописком. Равным образом даются прозвища и по телесным недостаткам и притом не только такие, как Сулла, Нигр или Руф, но и Цек или Клодий. Римляне поступают прекрасно, приучая не стыдиться и насмехаться над слепотою или другим телесным недостатком, но видеть в них не более как отличительные признаки. Впрочем, этим вопросом занимаются другого рода сочинения.

XII. КОГДА война кончилась, народные вожаки снова стали возбуждать волнения. Они не имели для этого нового повода или справедливого основания

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org они только взваливали на патрициев те несчастья, которые являлись необходимым следствием их прежних раздоров и волнений. Почти все поля оставались незасеянными и неубранными, между тем война не позволяла запастись хлебом из-за границы. Нужда в хлебе была очень велика, поэтому вожаки, видя, что его нет, а если бы он и был, – народу не на что купить его, стали распускать клевету относительно богатых, будто они устроили этот голод по своей ненависти к народу.

В это время приехали послы из Велитр, которые желали присоединить свой город к римским владениям и просили дать им колонистов: чума, бывшая у них, действовала так опустошительно, сгубила столько народу, что от всего населения осталась едва десятая часть. Умные люди думали, что просьба велитрцев и их желание как нельзя более к стати, – вследствие недостатка в хлебе республика нуждалась в своего рода облегчении – вместе с тем они надеялись на прекращение несогласий, если город освободится от крайне беспокойной, нарушавшей вместе со своими вожаками порядок толпы, как от чего-то вредного, опасного. Консулы вносили в список имена таких лиц и намерены были отправить их в качестве колонистов, других назначали в ряды войска, которое должно было идти в поход против вольсков, – желая прекратить волнения внутри государства в надежде, что, служа в одном войске и находясь в одном лагере, бедняки и богачи, плебеи и патриции не будут с прежней ненавистью относиться друг к другу, станут жить в большем согласии.

XIII. ОДНАКО народные вожаки Сициний и Брут восстали против их плана. Они кричали, что консулы хотят назвать красивым именем «переселения» в высшей степени бессердечный поступок; что они толкают бедняков как бы в пропасть, высылая их в город, где свирепствует чума и грудями валяются непогребенные трупы, – чтобы они жили там, подвергаясь мщению чужого божества; что им мало того, что одних из граждан они морят голодом, других посылают на жертву чуме, – они начинают еще по собственному желанию войну; пусть граждане испытают все бедствия за то, что не хотели идти в кабалу к богачам!.. Под впечатлением их слов народ отказывался идти в солдаты, когда консулы объявили набор, и не хотел и слышать о переселении.

Сенат не знал, что делать, Марций, в то время уже высокомерный, уверенный в себе, уважаемый самыми влиятельными из граждан, был самым ярким противником черни. Те, кому выпал жребий идти в качестве колонистов, все же были отправлены под страхом строгого наказания, зато другие решительно отказались идти в поход. Тогда Марций взял с собою своих клиентов и из других граждан – тех, кого ему удалось склонить на свою сторону, и сделал набег на владения антийцев. Он захватил массу хлеба, взял огромную добычу из скота и людей, но себе не оставил ничего и вернулся в Рим, причем его солдаты и везли, и несли множество различного рода вещей, вследствие чего другие раскаивались и завидовали разбогатевшим солдатам, но были озлоблены против Марция и недовольны тем, что он пользовался известностью и влиянием, возраставшими, по мнению недовольных, во вред народу.

XIV. ВСКОРЕ Марций выступил кандидатом на консульскую должность. Большинство было на его стороне. Народ стыдился оскорбить человека, выдававшегося среди других своих происхождением и храбростью, обидеть его, когда он оказал государству столько важных услуг. В то время не было в обычае, чтобы кандидаты на консульскую должность просили содействия граждан, брали их за руку, расхаживая по форуму в одной тоге, без туники для того, быть может, чтобы своею скромною внешностью расположить в пользу исполнения их просьбы, или же для того, чтобы показать свои шрамы как знак своей храбрости, – у кого они были. Римляне желали, чтобы просители ходили без пояса и туники не потому, конечно, что подозревали их в раздаче денег для подкупа избирателей, – подобного рода купля и продажа появились позже, спустя долгое время; тогда только деньги стали играть роль при голосовании в Народном собрании. Отсюда взяточничество перешло в суды и войско и привело государство к единовластию: деньги поработили оружие. Совершенно справедливо сказал кто-то, что первым отнял у народа свободу человек, выставивший народу угощение и раздавший подарки. Вероятно, в Риме зло это распространялось тайно, постепенно, и обнаружилось не сразу. Кто подал пример подкупа народа или судей в Риме, я не знаю, но в Афинах первым подкупил судей, говорят, сын Антемиона, Анит, преданный суду по обвинению в государственной измене, из-за Пилоса уже под конец Пелопоннесской войны, когда на римском форуме был еще золотой век нравственности.

XV. НО МАРЦИЙ мог, конечно, показать свои многочисленные раны, полученные им во многих сражениях, где он выказал себя с лучшей стороны, участвуя в

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org
походах в продолжение семнадцати лет сряду, и граждане, из уважения к его храбрости, дали друг другу слово избрать его консулом. В назначенный для голосования день Марций торжественно явился на форум в сопровождении сенаторов. Все окружавшие его патриции ясно показывали, что ни один кандидат не был так приятен им, как он. Но это-то и лишило Марция расположения народа, которое сменили ненависть и зависть. К ним присоединилось еще новое чувство – страха, что ярый сторонник аристократии, глубоко уважаемый патрициями, сделавшись консулом, может совершенно лишить народ его свободы. На этом основании Марций потерпел при выборах неудачу.

Избрали других кандидатов. Сенат был недоволен; он считал себя оскорбленным больше, нежели Марций. Не менее раздражен был и последний. Он не мог спокойно отнестись к случившемуся. Он дал полную волю своему гневу из-за своего оскорбленного самолюбия, так как видел в этом признак величия и благородства. Твердость и приветливость, главные качества государственного человека, не были привиты ему образованием и воспитанием. Он не знал, что человек, желающий выступить в качестве государственного деятеля, должен всего более избегать самолюбия, «неразлучного спутника уединенья», как называет его Платон, – ему придется иметь дело с людьми, и он должен быть терпеливым, хотя некоторые и смеются жестоко над таким характером. Но Марций никогда не изменял своему прямолинейному, упрямому характеру: одолеть, разбить окончательно всех – он не ведал, что это свидетельство не храбрости, а немощи, ибо ярость, подобно опухоли, порождает больная, страдающая часть души. Полный смущения и ненависти к народу, он удалился из Народного собрания. Молодые патриции, вся гордая аристократия, всегда горячо державшая его сторону, и в то время не покинула его, осталась с ним и, к вреду для него, еще более возбуждала его гнев, деля с ним скорбь и горе. В походах он был их вождем и добрым наставником; в военном деле – умел возбуждать в них соревнование в славе, без зависти друг к другу.

XVI. В ЭТО ВРЕМЯ в Рим привезли хлеб; много его куплено было в Италии, но не меньше прислано в подарок сиракузским тираном Гелоном. Большинство граждан льстило себя надеждой, что вместе с привозом хлеба прекратятся и внутренние несогласия в республике. Сенат немедленно собрался для заседания. Народ окружил здание сената и ждал конца заседания, рассчитывая, что хлеб будет продаваться по дешевой цене, полученный же в подарок – раздадут даром. Так думали некоторые и из сенаторов. Тогда поднялся со своего места Марций. Он произнес громовую речь против тех, кто хотел сделать что-либо в угоду народу, – он называл их своекорыстными предателями аристократии; говорил, что они сами вырастили посеянные ими в народе дурные семена наглости и дерзости, между тем как благоразумие требовало уничтожить их в самом начале, не позволять народу иметь в руках такую сильную власть; что он страшен по одному уже тому, что исполняются все его требования; что он не делает ничего против своей воли, не слушается консулов, но говорит, что у него есть свои начальники – вожди безначалия! Он говорил, что, если сенат решит в заседании раздать и разделить хлеб, как это бывает в греческих государствах, с их крайней демократией, он этим будет потакать непокорному народу к общей гибели. «Тогда, – продолжал он, – народ не скажет, что его отблагодарили за походы, в которых он отказался принимать участие, за возмущения, когда он предавал свое отечество, за клевету по отношению к сенаторам, – он подумает, что мы уступаем ему из страха, делаем ему снисхождение, поблажки, из желания заискивать у него. Он не перестанет быть непокорным, не будет жить в согласии, спокойно. Поступать так совершенно глупо, напротив, если у нас есть ум, мы должны упразднить должность трибунов, которая грозит уничтожением консульству, поселяет раздоры в республике, которая не составляет уже одного целого, как прежде, но разделена на части, что не позволяет нам ни соединиться, ни думать одинаково, ни вылечиться от нашей болезни, от нашей взаимной вражды».

XVII. ДЛИННАЯ речь Марция сообщила такое же сильное воодушевление и молодым сенаторам, и почти всем богачам. Они кричали, что единственный человек в республике, непобедимый и чуждый лести, – он. Некоторые из стариков сенаторов возражали ему, боясь последствий. Действительно, ничего хорошего из этого не вышло. Присутствовавшие в заседании трибуны, видя, что мнение Марция одерживает верх, с криком выбежали к народу и стали просить чернь собраться и помочь им. Состоялось шумное Народное собрание. Трибуны передали ему содержание речи Марция. Раздраженный народ едва не ворвался в заседание сената. Но трибуны обвиняли одного Марция и отправили за ним служителей, чтобы он мог оправдаться; но он, выйдя из себя, прогнал их. Тогда трибуны явились вместе с эдилами, чтобы взять его силой. Они уже схватили его; но патриции окружили его и выгнали трибунов, а эдилов даже

избили.

Наступивший вечер положил конец беспорядкам. Ранним утром началось страшное возбуждение среди народа. Видя, что он стекается отовсюду, консулы, в страхе за судьбу города, созвали заседание сената и предложили ему решить, какими благожелательными речами и мягкими постановлениями можно водворить тишину и спокойствие среди народных масс. Они говорили, что в настоящую минуту не время проявлять свое честолюбие или спорить о почестях, – дела находятся в опасном, обострившемся положении; необходима власть умная и снисходительная. Большинство согласилось с ними. Тогда консулы явились в Народное собрание и обратились к народу с речью, – какая всего более была необходима. Они старались успокоить его, вежливо отвергали возводимую на них клевету, не выходя из границ умеренности, советовали ему исправиться, порицали его поведение и уверяли, что относительно цены при продаже хлеба сенат будет действовать вместе с народом.

XVIII. НАРОД, за немногими исключениями, соглашался с ними. Порядок и тишина, с какою он держал себя, доказывали ясно, что он слушает их, разделяя их мнение, и успокаивается. Но тут вмешались в дело трибуны. Они объявили, что народ будет слушаться умных решений сената во всем, что может быть полезно, но требовали Марция для оправдания в его действиях: разве он возбуждал сенаторов и отказался явиться по приглашению трибунов не для того, чтобы произвести в государстве смуты и уничтожить демократию? Обрушив удары и брань на эдилов, он желал возжечь, насколько это от него зависело, междоусобную войну, заставить граждан взяться за оружие... Их речь имела целью унижить Марция, если бы он начал, в противоположность своему гордому характеру, льстить народу, или же, когда бы остался верен своему характеру, вооружить против него народ до последней степени, – на что они всего более рассчитывали, прекрасно изучив его.

Обвиняемый явился как бы для оправдания. Народ умолк; воцарилась тишина. Ожидали, что Марций станет молить о прощении, он же начал говорить, не только ничем не стесняясь, но и обвинял народ более, чем то позволяла откровенность, и своим голосом и наружностью показывал мужество, граничившее с презрением и пренебрежением. Народ пришел в бешенство, явно выказывая свое неудовольствие и раздражение вследствие его речей. Самый дерзкий из трибунов, Сициний, посоветовавшись немного с товарищами по должности, громко объявил затем, что трибуны произносят Марцию смертный приговор, и приказал эдилам вести его на вершину Тарпейской скалы и оттуда немедленно сбросить в пропасть. Эдилы схватили его; но даже народу поступок трибунов показался чем-то ужасным и наглым, что же касается патрициев, они, в исступлении и ярости, кинулись на крик Марция о помощи. Одни толкали тех, кто хотел взять его, и окружили его, другие протягивали с мольбой руки к народу. Речи и отдельные слова пропадали в таком страшном беспорядке и шуме. Наконец, друзья и родственники трибунов, убедившись, что Марция можно отнять и наказать, только убив множество патрициев, посоветовали трибунам отменить необыкновенное наказание для подсудимого, смягчить его, не убивать его насильно, без суда, но подвергнуть суду народа. После этого поднялся Сициний и спросил патрициев, почему они отнимают Марция у желающего наказать его народа. В свою очередь, последние спрашивали их: «Для чего и почему вы желаете без суда наказать самым жестоким и незаконным образом одного из первых людей в Риме?» – «Не считайте это предлогом для вашего несогласия и вражды с народом: он исполнит ваше требование, обвиняемый будет судим, отвечал Сициний. – Тебе, Марций мы приказываем явиться в третий рыночный день и убедить граждан в своей невинности. Они будут твоими судьями».

XIX. ТЕПЕРЬ патриции были довольны решением и весело разошлись, взяв с собою Марция. В промежутке времени до третьего рыночного дня – рынок у римлян бывает каждый девятый день, который зовется «нундины», – объявлен был поход против антийцев, что давало патрициям надежду на отсрочку суда. Они рассчитывали, что война затянется, будет продолжительна, а за это время народ сделается мягче; гнев его стихнет или совершенно прекратится среди забот относительно ведения войны. Но с антийцами был вскоре заключен мир, и войска вернулись домой. Тогда патриции стали часто собираться: они боялись и советовались, каким образом не предавать им Марция в руки народа, с другой стороны – не давать вожакам повода возмущать народ. Заклятый враг плебеев, Аппий Клавдий, произнес сильную речь, где говорил, что патриции уничтожат сенат и совершенно погубят государство, если позволят народу иметь над ними перевес при голосовании. Но старшие и отличавшиеся приверженностью к народу сенаторы говорили, напротив, что, вследствие

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org
уступок, народ будет не груб и суров, а, наоборот, ласков и мягок; что он не относится с презрением к сенату, но думает, что последний презирает его, поэтому предстоящий процесс сочтет за оказываемую ему честь, найдет себе в ней утешение и что его раздражение прекратится, лишь только в его руках очутятся камешки для голосования.

XX. Видя, что сенат колеблется между расположением к нему и страхом перед народом, Марций спросил трибунов, в чем они обвиняют его и за какое преступление привлекают к суду народа. Когда они ответили, что обвиняют его в стремлении к тирании и докажут, что он думает сделаться тираном, он быстро встал и сказал, что теперь он сам явится перед народом для своего оправдания, не откажется ни от какого суда и, если докажут его виновность, будет готов подвергнуться любому наказанию. «Только не вздумайте изменить обвинение и обмануть сенат!» – сказал он. Они обещали, и на этих условиях открылся суд.

Когда собрался народ, трибуны начали с того, что устроили голосование не по центуриям, а по трибам, чтобы нищая: беспокойная, равнодушная к справедливости и добру чернь имела при голосовании перевес над богатыми, уважаемыми и обязанными нести военную службу гражданами. Затем, отказавшись от обвинения подсудимого в стремлении к тирании, как несостоятельного, они снова стали припоминать, что Марций раньше говорил в сенате, мешая дешевой продаже хлеба и советуя уничтожить звание народного трибуна. Трибуны придумали и новое обвинение – обвиняли его в том, что он неправильно распорядился добычей, взятой в области Антия, – не внес ее в государственную казну, а разделил между участниками похода. Это обвинение, говорят, смутило Марция всего более: он не был подготовлен, не мог отвечать народу тотчас же как следует. Он начал хвалить участников похода, вследствие чего зашумели те, кто не принимал участия в войне, а их было больше. Наконец, трибуны стали подавать голоса. Большинством в три голоса вынесли обвинительный приговор. Его осудили на вечное изгнание.

После объявления приговора народ разошелся с такою гордостью, с такою радостью, как не гордился никогда, даже после победы над неприятелями; но сенат был в горе и глубокой скорби. Он раскаивался и жалел, что не принял всех мер, не испытал всего, прежде чем позволить народу надругаться над ним и дать в руки его такую силу. В то время не было нужды различать граждан по одежде или другим отличительным признакам: сразу было видно, что веселый плебей, печальный – патриций.

XXI. Один Марций был тверд, не склонял своей головы; ни в его наружности, ни в походке, ни в лице не было никаких признаков волнения. Среди всех жалевших о нем один он не жалел о себе. Но это происходило не потому, что им владел рассудок, или чтобы у него было кроткое сердце, не потому, чтобы он терпеливо сносил случившееся, – он был страшно разгневан и взбешен; это было то, что составляет настоящее страдание, которого не понимает большинство. Когда оно переходит в гнев, то, перегорев, становится чем-то твердым и деятельным. Вот почему рассерженные кажутся деятельными, как большой лихорадкой – горящим: душа его кипит, взволнована, находится в напряжении.

Свое душевное состояние Марций тотчас же доказал своими поступками. Придя домой, он поцеловал громко плакавших мать и жену, советовал им бодро переносить случившееся и немедленно вышел и направился к городским воротам. Его провожали до них почти все патриции; сам он не взял и не просил ничего он ушел в сопровождении трех или четырех своих клиентов. Несколько дней он провел один в своих поместьях. Его волновало много мыслей, внушаемых ему его раздражением. В них не было ничего хорошего, ничего честного: они были направлены на одно – он хотел отметить римлянам и решил вовлечь их в тяжелую войну с кем-либо из соседей. Марций решил попытать счастья сперва у вольсков, зная, что они богаты людьми и деньгами, и надеясь, что прежние поражения не столько уменьшили их силы, сколько увеличили желание вступить в новую борьбу с римлянами и ненависть к ним.

XXII. В ГОРОДЕ Антии жил Тулл Амфидий, вольск, вследствие своего богатства, храбрости и знатного происхождения сделавшийся царем. Для Марция не было тайной, что он ненавидел его сильнее, чем кого-либо из римлян. Ке раз в сражениях, осыпая угрозами и вызывая один другого, они хвастались своим соперничеством, как это бывает обыкновенно у воинственных, честолюбивых и самолюбивых молодых людей. К общей вражде римлян с вольсками присоединилась личная. Несмотря на это, Марций видел в Тулле некоторого рода благородство

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org
и знал, что никто из вольсков не пожелает так горячо зла римлянам, как он, при первом представившемся случае. Марций подтвердил справедливость мнения, что «бороться с гневом трудно: за страсть он жизнью платит». Он надел одежду и принял внешность, под которой его могли всего менее узнать, если бы даже увидели, и как Одиссей вошел в «народа враждебного город».

XXIII. БЫЛ вечер. Ему встречались многие; но никто его не узнал. Он направился к дому Тулла и, войдя, сел немедленно у очага, с покрытой головой, не говоря ни слова. Бывшие в доме смотрели на него с удивлением, но заставить его встать не смели, – в его наружности, как и в молчании, было что-то величественное. Об этом странном случае рассказали Туллу, который в то время ужинал. Тот встал, подошел к незнакомцу и спросил, кто он, откуда пришел и что ему надо? Тогда Марций открыл голову и, немного помолчав, сказал: «Если ты не узнаешь меня, Тулл, и, видя меня перед собою, не веришь своим глазам, – мне приходится самому быть своим обвинителем. Я – Гай Марций, сделавший вольскам много вреда и носящий прозвище Кориолана, прозвище, от которого мне нельзя отречься. За свои многочисленные труды и опасности я не приобрел ничего, кроме имени, говорящего о моей вражде к вам. Оно осталось у меня не отнятым, все же остальное я потерял, вследствие зависти и наглости народа и бесхарактерности и измены магистратов, званием равных мне. Я изгнан и, как умоляющий о защите, прибегаю к твоему домашнему алтарю, не потому, чтобы заботился о своей личной безопасности или спасении, – зачем мне было приходить сюда, раз я боюсь смерти? – нет, я хочу отметить изгнавшим меня и уже отметил им тем, что делаю тебя господином моей жизни. Если ты не боишься напасть на неприятеля, извлеки, благородный друг, пользу из моего несчастья, сделай мое горе благом для всех вольсков. Я настолько успешнее буду вести войну за вас, чем против вас, насколько удачнее воюют те, кто знает положение неприятелей, в сравнении с теми, кто его не знает. Но, если ты не принимаешь моего совета, я не желаю жить, да и тебе не следует спасать прежнего своего недруга и врага, теперь – бесполезного, ненужного тебе человека». Когда Тулл услышал его предложение, он чрезвычайно обрадовался, подал ему руку и сказал: «Встань, Марций, и мужайся – великое счастье для нас, что ты перешел на нашу сторону. Но подожди, ты увидишь со стороны вольсков еще большее». Затем он радушно угостил Марция. В следующие дни они советовались между собою относительно похода.

XXIV. В ЭТО ВРЕМЯ Рим волновался, вследствие враждебного отношения патрициев к народу, главным образом благодаря приговору над Марцием. Гадатели, жрецы и частные лица рассказывали о многих предзнаменованиях, заслуживавших внимания. Одно из них, говорят, было следующего рода. Тит Латиний, не занимавший особенно блестящего положения, все же мирный, честный и вовсе не суеверный и еще менее – тщеславный человек, видел во сне, что ему явился Юпитер и велел сказать сенаторам, что впереди процессии в его, Юпитера, честь послали дрянного, крайне неприличного плясуна. Тит, по его словам, не обратил сначала на это никакого внимания. Сон повторился во второй и третий раз; но он отнесся к нему так же небрежно. Тогда он лишился своего прекрасного сына, а сам почувствовал, что члены его тела внезапно так ослабли, что он не мог владеть ими. Он объявил об этом в сенате, куда его принесли на носилках. Говорят, когда он кончил свой рассказ, он тотчас почувствовал, что силы его возвращаются, встал и пошел сам собою. Удивленные сенаторы приказали произвести тщательное следствие по этому поводу. Случай состоял в следующем. Кто-то отдал своего раба другим рабам, с приказанием гнать его, бичуя, по форуму и затем убить. Исполняя его приказание, они стали бить его. От боли он начал извиваться и делал, в мучениях, разного рода неприличные движения. Случайно сзади двигалась религиозная процессия. Многие из участников были недовольны, видя эту тягостную сцену; но никто не перешел от слов к делу, – все ограничивалось бранью и проклятиями лицу, приказавшему наказать другого так жестоко. Дело в том, что тогда с рабами обращались крайне мягко, – сами хозяева работали и жили вместе с рабами, поэтому поступали с ними не так строго, снисходительнее. Большим наказанием для провинившегося раба считалось одно то, если его заставляли надеть на шею деревянную рогатку, которой подпирают дышло телеги, и ходить с ней по соседям, – к тому, кто на глазах других нес подобного рода наказание, никто уже не имел доверия. Его звали «ф_у_рцифер» – «фурка» по-латыни значит «подпорка» или «вилы».

XXV. КОГДА Латиний рассказал о виденном им сне, сенаторы не могли понять, кто это был «неприличный и дрянной плясун», шедший в то время впереди процессии. Но некоторые вспомнили о наказании раба, вследствие его странности, раба, которого прогнали, бичуя, через форум и затем умертвили.

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org
С их мнением согласились и жрецы, вследствие чего хозяин раба был наказан, а торжественная процессия и игры в честь божества повторены.

Нума, отличавшийся своими мудрыми распоряжениями религиозного характера вообще, дал, между прочим, следующее приказание, заслуживающее полной похвалы и располагающее других к внимательности. Когда магистраты или жрецы совершают какой-либо обряд, глашатай идет впереди и кричит громким голосом: «Хок аге!», т. е. «Это делай!», приказывая обращать внимание на религиозный обряд, не прерывать его каким-либо посторонним делом или занятием, — люди делают почти всякую работу в большинстве случаев по необходимости, нехотя. Римляне повторяют обыкновенно жертвоприношения, торжественные процессии и игры не только вследствие такой важной причины, как та, о которой говорено выше, но и из-за незначительной. Когда как-то раз одна из лошадей, везших тенсы, споткнулась, возница же взял вожжи в левую руку, решено было повторить процессию. Позже был случай, что одно жертвоприношение начинали тридцать раз, — каждый раз находили какой-либо недостаток или ошибку. Вот каково благоговение римлян перед богами!

XXVI. МАРЦИЙ и Тулл имели в Антии тайные совещания с влиятельнейшими из граждан и возбуждали их начать войну, пока в Риме не прекратилась еще вражда партий. Им отвечали отказом на том основании, что с римлянами был заключен мирный договор сроком на два года. Но в это время последние сами подали повод считать его недействительным: вследствие ли каких-либо подозрений, или же клеветы, только они приказали во время торжественных публичных игр всем вольскам удалиться из Рима до захода солнца. Некоторые рассказывают, что виной этому уловка, хитрость Марция, который отправил в Рим к магистратам посланца с ложным известием, будто вольски во время празднования игр намерены напасть на столицу и сжечь ее. Распоряжение о высылке вольсков еще более вооружило всех их против римлян. Тулл, раздувая оскорбление и разжигая страсти, добился наконец, что в Рим были отправлены послы требовать возвращения земель и городов, уступленных по окончании войны вольсками. Выслушав послов, римляне были возмущены и дали следующий ответ: вольски первыми берутся за оружие, римляне последними положат его. Затем Тулл созвал большое Народное собрание, где решено было начать войну. Тогда он стал советовать пригласить Марция, простив ему прежние вины, и довериться ему: союзником он принесет пользы больше, чем принес вреда — врагом.

XXVII. МАРЦИЙ явился на приглашение и в своей речи к народу показал, что словами умеет владеть ничуть не хуже, чем оружием, и столько же воинствен, сколько умен и смел, поэтому его назначили главным начальником войска вместе с Туллом. Боясь, что приготовления вольсков к войне затянутся и удобная минута действовать будет упущена, он приказал самым влиятельным из граждан и городским властям свозить и запастись всем необходимым, а сам, не дожидаясь набора войска, уговорил следовать за собою добровольцев, вполне храбрых людей, и вторгся в римские владения вдруг, когда его никто не ожидал. Он собрал такую добычу, что вольские солдаты не могли ни увезти, ни унести ее. Но эта богатая добыча, страшный вред и опустошение, причиненное Марцием земле, были еще самым незначительным следствием этого похода: главная цель его была — опорочить патрициев в глазах народа. Вот почему Марций, все опустошая, не щадя ничего, строго запрещал трогать их поместья, не позволял делать им вред или уносить из них что-либо. Это дало новую пищу подозрениям и взаимным несогласиям. Патриции обвиняли народ в том, что он незаслуженно изгнал столь могущественного человека, народ упрекал патрициев в том, что они наслали Марция по злобе на плебеев; что, в то время как другие воюют, патриции сидят спокойными зрителями; что война с внешними врагами предпринята для того, чтобы стеречь их богатства и состояние. Успехи Марция принесли вольскам огромную пользу — они внушили им мужество и презрение к врагам. Затем он счастливо отступил.

XXVIII. ВСКОРЕ собрались все вольские войска. Они охотно шли в поход и были так многочисленны, что решено было части их остаться для охраны городов, части идти в поход против римлян. Марций дал Туллу право начальствовать по выбору одну из частей. Тулл сказал, что в его глазах Марций несколько не уступает ему в храбрости и что во всех сражениях счастье более благоприятствовало ему, поэтому предложил принять ему команду над войском, назначенным вторгнуться в неприятельские пределы, сам же остался для охраны городов и снабжения солдат всем необходимым.

Когда к Марцию пришли подкрепления, он двинулся прежде всего против римской колонии, Цирцей, и, взяв ее без сопротивления, не сделал ей никакого вреда,

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org затем стал опустошать Лаций, рассчитывая, что римляне дадут ему сражение, так как латинцы, несколько раз посылавшие к ним с просьбой о помощи, были их союзниками. Народ, однако, не обращал на это внимания; консулам же оставалось до выхода из должности немного времени, а за это время они не желали подвергаться опасностям, поэтому латинские послы вернулись ни с чем. Марций обратился к самим латинским городам – взял приступом Толерий, Лабики, Пед и Болу, которые оказали ему сопротивление. Жители их проданы были в рабство; города разграблены. Но если город сдавался добровольно, он прилагал большое старание, чтобы жителям без его желания не было нанесено никакого вреда, поэтому располагался лагерем в далеком расстоянии от города, минуя их владения.

XXIX. ПРИ ВЗЯТИИ Бовилл, города, находившегося от Рима на расстоянии не более ста стадий, он приказал убить почти всех способных носить оружие, причем в его руки досталась огромная добыча. Тогда Вольские войска, которые должны были занимать гарнизоны в городах, не выдержали и двинулись с оружием в руках на соединение с Марцием, говоря, что признают его единственным своим вождем и единственным главнокомандующим. С тех пор громкая слава о его имени разнеслась по всем концам Италии. Удивлялись храбрости одного человека, при переходе которого на сторону прежних врагов дела приняли совершенно другой оборот.

У римлян царствовала неурядица. Они боялись дать сражение; партии ежедневно ссорились одна с другою. Наконец было получено известие, что неприятели осадили Лавиний, где у римлян находились храмы отечественных богов и где было начало их народности: ведь основал город Эней. Известие это произвело в настроении народной массы удивительную перемену, в мыслях патрициев – совершенно невероятную и неожиданную: народ хотел отменить приговор по отношению к Марцию и призвать его в город, сенат, обсуждая предложение в одном из заседаний, отверг его, не дал привести в исполнение. Быть может, он хотел из самолюбия поступать во всем вообще против воли народа, или же не желал, чтобы возвращение Марция произошло по милости народа, или же был раздражен против него за то, что он делал зло всем, хотя зло ему сделали не все; за то, что он объявил себя врагом отечества, где, как он знал, лучшая и самая влиятельная часть граждан сочувствовала ему и делила с ним нанесенное ему оскорбление. Решение сената было объявлено народу. Народ между тем не мог ничего утвердить голосованием или посредством закона без предварительного согласия сената.

XXX. УЗНАВ об этом, Марций вознегодовал еще более. Он снял осаду небольшого города, в раздражении двинулся к столице и расположился лагерем в сорока стадиях от города, у Клеиевых рвов. Его появление принесло с собой страх и страшное смятение, но разом прекратило взаимную вражду – никто из высших магистратов или сенаторов не смел больше противоречить предложению народа возвратить Марция из изгнания. Видя, напротив, что женщины бегают по городу; что старики, со слезами, идут в храмы, с мольбой о помощи; что все пали духом; что никто не может дать спасительного совета, – все сознались, что предложение народа примириться с Марцием было благоразумно и что, напротив, сенат сделал грубую ошибку, вспомнив старое зло тогда, когда его следовало забыть. Решено было отправить к Марцию послов, предложить ему вернуться в отечество и просить кончить войну с римлянами. Послы сената были близкими родственниками Марция. Они ожидали радушного приема, в особенности при первой встрече, со стороны своего друга и родственника. Они ошиблись. Их привели через неприятельский лагерь к Марцию, который сидел с гордым видом и не имевшей себе примера надменностью. Его окружали самые знатные вольски. Он спросил послов, что им нужно. Они говорили вежливо и ласково, как и следовало в их положении. Когда они кончили, он от себя лично напомнил в ответ с горечью и раздражением о нанесенных ему оскорблениях, от имени же вольсков требовал как полководец, чтобы римляне возвратили вольским завоеванные ими города и земли и дали им гражданские права наравне с латинцами, – война, по его мнению, могла кончиться, только если мир будет заключен на равных, справедливых условиях для каждой из сторон. Для ответа он назначил им тридцатидневный срок. После ухода послов он немедленно очистил римские владения.

XXXI. ЭТО было главною причиной обвинения его некоторыми из вольсков, давно тяготившимися его влиянием и завидовавшими ему. Между ними был и Тулл, лично ничем не оскорбленный Марцием, но поддававшийся влиянию человеческих страстей. Он сердился на него за то, что благодаря Марцию его слава вполне затмилась, и вольски стали относиться к нему с презрением. Мараки были для них все; что же касается до других полководцев, они должны были

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org
довольствоваться уделяемою им частью власти и начальства. Это было первую причиной тайно распускаемых про него обвинений. Собираясь в кружки, вольски негодовали, считая его отступление изменой: он упустил не укрепления или оружие, но удобное время, от которого зависит, как и во всем остальном, или успех боя, или неудача; недаром он дал римлянам тридцать дней сроку: в меньшее время в ходе войны не могут произойти важные перемены. Марций сумел воспользоваться этим временем. Он вступил во владения союзников неприятеля, грабил и опустошал их; в его руки перешли между прочим семь больших и населенных городов. Римляне не решились подать им помощь – их сердца охватило чувство страха; им так же хотелось идти на войну, как закосневшему в бездействии и хилому человеку.

Когда срок прошел, Марций снова вернулся со всеми войсками. Римляне отправили к Марцию новое посольство с мольбою о пощаде и просьбой вывести войска вольсков из римских владений и потом уже начать делать и говорить то, что он считает выгодным для обеих сторон. Они говорили, что под угрозой римляне не уступят ничего; но если он желает извлечь для вольсков какую-либо выгоду, римляне согласятся на все, как только неприятель разоружится. Марций отвечал, что, как полководец вольсков, он не может ничего сказать им, но, пока он еще римский гражданин, горячо советует не оказывать такого упорства в удовлетворении справедливых требований и явиться к нему через три дня с положительным ответом, иначе пусть они знают, что их не пропустят в лагерь, если они вторично явятся с пустыми разговорами.

XXXII. ПОСЛЫ вернулись и сделали доклад в сенате, который как бы бросил свой «священный» якорь в знак того, что государственному кораблю пришлось выдерживать грозную бурю. Все жрецы богов, все совершавшие таинства или надзиравшие за их исполнением, все знавшие старинные, употреблявшиеся предками правила гадания по полету птиц, должны были идти к Марцию, каждый в жреческой одежде, требуемой законом, и просить его прекратить войну и вступить в переговоры с согражданами касательно мира с вольсками. Правда, Марций пропустил жрецов в лагерь, однако не сделал им никаких уступок ни на словах, ни на деле, – он предлагал им или принять его прежние условия, или продолжать войну.

С этим ответом жрецы вернулись обратно. Тогда решено было запереться в городе, занимая укрепления, чтобы отражать нападения неприятеля. Свои надежды римляне возлагали лишь на время и на неожиданную перемену счастья: лично они не знали для своего спасения никаких средств. В городе царствовали смятение и страх; на каждом шагу видны были в нем дурные предзнаменования, пока не случилось нечто вроде того, о чем не раз говорит Гомер, но что у многих не находит себе веры. Относительно серьезных и невероятных поступков он выражается в своих поэмах, про кого-либо, что ему

Дочь светлоокая Зевса, Афина, вселила желанье,

или:

Боги мой гнев укротили, представивши сердцу, какая
Будет в народе молва...

наконец:

Было ли в нем подозренье, иль демон его надоумил.

Многие не обращают внимания на такого рода выражения – по их мнению, поэт желал невозможными вещами и невероятными вымыслами отрицать разумное проявление свободной воли в человеке. Но Гомер хотел сказать не это: все вероятное, обыкновенное, не идущее вразрез с требованиями рассудка, он считает действием нашей свободной воли, что видно из многих мест:

Тут подошел я к нему с дерзновенным намерением сердца,

затем:

Рек он, – и горько Пелиду то стало: могучее сердце
В персях героя власатых меж двух волновалось мыслей...

далее:

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org
...но к ищущей был непреклонен
Чувств благородных исполненный
Беллерофонт непорочный.

Напротив, там, где речь идет о невероятном и опасном деле, где требуется вдохновение или воодушевление, он представляет божество не уничтожающим, но возбуждающим в нас проявление свободной воли, не внушающим нам желания совершить какой-либо поступок, а только рисуящим в нашем воображении картины, заставляющие нас решиться на него. Ими оно не заставляет нас делать чего-либо по принуждению, оно дает лишь толчок свободной воле, вливая при этом в нас мужество и надежду. Действительно, если у богов отнять долю всякого влияния, всякого участия в наших делах, в чем же другом выражалась бы их помощь и содействие людям? – Они не переменяют строения нашего тела, не дают известного направления нашим рукам или ногам, как то следовало бы, – они только возбуждают действенное начало нашей души, выражающееся в свободной воле, известного рода ощущениями, представлениями или мыслями, или же, с другой стороны, удерживают ее, мешают ей.

XXXIII. В РИМЕ в то время все храмы были полны молящимися женщинами. Большинство их, принадлежавших к высшей аристократии, молились у алтаря Юпитера Капитолийского. В числе их была и Валерия, сестра знаменитого Попликолы, оказавшего Риму много важных услуг во время войны и во время мира. Из жизнеописания Попликолы видно, что он умер раньше. Валерия пользовалась в столице известностью и уважением – своим поведением она поддерживала славу своего рода. Внезапно ею овладело то настроение, о котором я говорил раньше. В ее душу запала счастливая мысль, внушенная ей свыше. Она встала сама, заставила встать и всех остальных женщин и отправилась с ними в дом матери Марция, Волумнии. Когда она вошла, она увидела, что его мать сидит с невесткой и держит на руках детей Марция. Валерия велела женщинам стать вокруг нее и сказала: «Мы пришли к вам, Волумния и Вергилия, как женщины к женщинам, не по решению сената, не по приказанию магистратов. Вероятно, сам бог услышал наши молитвы и внушил нам мысль отправиться сюда к вам и просить у вас исполнить то, что может спасти нас самих и остальных граждан, вам же, в случае вашего согласия, даст славу громче той, которую приобрели себе дочери сабинцев, уговорив своих отцов и мужей кончить войну и заключить между собою мир и дружбу. Пойдемте вместе с просительной ветвью к Мардию и скажемте в защиту отечества, как справедливый, беспристрастный свидетель, что он сделал ему много зла, но оно не выместило на вас своего гнева, не сделало и не желало сделать вам ничего дурного, нет, оно возвращает вас ему, если даже ему самому нельзя ждать от него пощады ни в чем». Когда Валерия кончила, она громко зарыдала вместе с другими женщинами. «И мы, мои милые, одинаково делим общую скорбь, отвечала Волумния, – во, кроме того, у нас есть личное горе: славы и чести Марция не существует больше, когда мы видим, что, надеясь найти в оружии врагов спасение, он нашел себе скорей плен. Но самое страшное из наших несчастий состоит в том, что родина наша, в самом полном бессилии, возлагает свои надежды на спасение на нас. Не знаю, обратит ли он внимание на наши слова, если уж не сделал ничего ради отечества, которое в его глазах стояло всегда выше матери, жены и детей. Мы готовы помочь вам, берите нас и ведите к нему. Если мы не можем сделать ничего другого, мы станем молить его о пощаде отечества до последнего издыхания».

XXXIV. ЗАТЕМ Вергилия взяла на руки своих детей и в сопровождении остальных женщин отправилась в Вольский лагерь. Их внешность, говорившая об их несчастии, возбудила чувство уважения к ним даже со стороны неприятелей. Никто не говорил ни слова.

Марций в это время сидел на возвышении, окруженный начальниками войска. Заметив приближавшихся женщин, он был удивлен. Он узнал свою мать, шедшую во главе других, и решил оставаться непреклонным, не изменять себе; но в нем заговорило чувство. В смущении от представившейся глазам его картины, он не мог усидеть на месте при их приближении. Он вскочил и более быстрою походкой, чем обыкновенно, направился к ним навстречу. Первою он поцеловал мать и долго держал ее в своих объятиях, затем жену и детей. Он не мог сдержать слез, не дать воли ласкам – его чувство унесло его, как поток.

XXXV. НАКОНЕЦ он удовлетворял ему вполне. Заметив, что мать хочет с чем-то обратиться к нему, он окружил себя вольсками, членами военного совета, и услышал от Волумнии следующее: «Сын мой, мы не говорим ни слова; но наше платье и незавидная внешность доказывают, какую уединенную жизнь пришлось вести нам во время твоего изгнания. Подумай теперь – мы несчастнейшие из

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org
этих женщин: судьба превратила самое прекрасное из зрелищ в самое ужасное – я должна видеть своего сына, моя невестка – мужа расположившимся лагерем здесь, перед стенами родного города!.. Для других молитва служит утешением во всякого рода несчастиях и скорбях, для нас она страшная мука. Нельзя молить небо в одно время и о победе отечества, и о твоём спасении, – и в нашей молитве есть все, чем может проклясть нас враг. Может быть один выбор – твои жена и дети должны лишиться или отечества, или тебя: я же не стану ждать, пока война решит, какой жребий мне сужден. Если ты не хочешь послушаться меня и превратить раздор и бедствие в дружбу и согласие, сделаться благодетелем обоих народов, а не бичом одного из них, знай и свикнись с мыслью, что ты нападешь на родной город, только перешагнув через труп своей матери. Я не должна дожидаться того дня, когда увижу своего сына или побежденным согражданами, или празднующим победу над отечеством. Если бы я стала просить тебя спасти отечество ценою гибели вольсков, моя просьба показалась бы тебе несправедливой и трудно исполнимой: нечестно убивать сограждан, как низко предавать и тех, кто доверился тебе. Но теперь мы просим тебя только спасти нас от бедствия, что может быть одинаково спасительно для обоих народов. Для вольсков оно будет еще более лестно, принесет им больше чести, так как они, победители, дадут нам величайшие из благ – мир и дружбу, – приняв не меньшее от нас. Если это станет действительностью, эту честь припишут главным образом тебе; нет – обе стороны будут упрекать одного тебя. Чем кончится война, неизвестно; известно лишь, что, если ты останешься победителем, ты будешь духом мести для своей родины; но, если потерпишь поражение, тебя назовут человеком, ввергнувшим под влиянием гнева своих благодетелей и друзей в море бедствий...»

XXXVI. МАРЦИЙ слушал, пока говорила Волумния, но не отвечал ни слова. Она кончила; но он долго стоял молча. Тогда Волумния начала снова: «Сын мой, что же ты молчишь? – Неужели хорошо давать во всем волю своему гневу и чувству мести и дурно – уступить в таком важном деле своей матери? Разве великий человек должен помнить лишь о причиненном ему зле; разве великим и честным людям не следует питать чувства признательности и любви за то добро, которое видят дети от своих родителей? Нет, никто не должен быть благодарен больше тебя, раз ты так жестоко караешь неблагодарность. Ты уже наказал сурово свое отечество, но ничем не отблагодарил свою мать. Добровольное исполнение просьбы матери в таком прекрасном и справедливом деле – самый священный долг; но я не могу упросить тебя. В чем же моя последняя надежда?!» С этими словами она вместе с невесткой и детьми упала к его ногам. «Мать моя, что сделала ты со мною!» – воскликнул Марций. Он помог ей подняться, крепко сжал ей руку и сказал: «Ты побелила: но победа принесла счастье отечеству, меня она – погубила: я отступаю. Одна ты одержала надо мной победу». Сказав это, он поговорил немного наедине с матерью и женою, отпустил их по их просьбе обратно в Рим и ночью отступил с войсками вольсков. Их чувства по отношению к нему были не одинаковы, не все смотрели на него одними и теми же глазами. Некоторые негодовали как на Марция, так и на его поступок, некоторые же не делали ни того, ни другого, – они были расположены к прекращению войны, к миру. Третьи были недовольны случившимся, однако не отзывались о Марции дурно, но прощали ему ввиду того, что он уступил овладевшим им благородным побуждениям. Никто не возражал; но все пошло с ним скорей из уважения к его нравственным качествам, нежели к его власти.

XXXVII. ОКОНЧАНИЕ войны доказало еще ясней, в каком страхе и опасности находился римский народ во время ее продолжения. Когда население заметило со стен отступление вольсков, отворили все храмы; граждане ходили в венках, как будто одержали победу, и приносили богам жертвы. Радостное настроение населения столицы доказали всего более любовь и уважение к названным женщинам со стороны сената и народа; все называли и считали их единственными виновницами спасения государства. Сенат решил, что консулы должны давать все, что они ни потребуют себе в знак почета или благодарности; но они просили только позволения выстроить храм Женской Удачи. Они хотели собрать лишь деньги на постройку, что же касается до предметов культа и отправления богослужения, город должен был принять эти расходы на свой счет. Сенат поблагодарил женщин за их прекрасный поступок, но храм приказал построить на общественный счет; точно так же он принял на себя расход по изготовлению статуи божества. Женщины, однако, собрали деньги и заказали другую статую. Римляне говорят, что, когда ее водружали в храме, она сказала приблизительно следующее: «Угоден богам, о жены, ваш дар».

XXXVIII. ГОВОРЯ, будто голос этот был слышан даже два раза, хотят нас заставить верить в то, чего не может быть. Можно допустить, что некоторые статуи потеют, плачут или испускают капли крови. Часто даже дерево и камни покрываются от сырости плесенью и дают различного рода цвета, принимают окраску от окружающего их воздуха, что, однако, не мешает некоторым видеть в этом знаменья со стороны богов. Возможно также, что статуи издают звуки, похожие на стон или плач, когда внутри их произойдет быстрый разрыв или разделение частиц; но чтобы бездушный предмет говорил вполне ясно, точно и чисто членораздельным языком, это совершенно невозможно, поскольку душа и бог, если не имеют тела, снабженного органом речи, не могут издавать громкие звуки и говорить. Однако раз история заставляет нас верить этому, приводя в доказательство много заслуживающих вероятия примеров, то следует думать, что в вере во внешние явления участвует наше внутреннее чувство, основанное на способности души рисовать различного рода представления; так во сне мы слышим, не слыша, и видим, не видя в действительности. Но люди, проникнутые глубокою любовью и расположением к божеству, люди, которые не могут отвергать или не верить во что-либо подобное, основывают свою веру на невероятном, несравненно большем, чем наше, могуществе божества. Между ним и человеком нет ничего общего – ни в природе, ни в действиях, ни в искусстве или силе, и, если оно делает что-либо, чего не сделать нам, исполняет то, чего не исполнить нам, в этом нет ничего невероятного: отличаясь от нас во всем, оно главным образом отличается от нас, не имеет сходства с нами в своих деяниях. Во многом, что имеет отношение к божеству, причиной нашего невежества, говорит Гераклит, служит наше неверие.

XXXIX. ПОСЛЕ возвращения Марция с войсками в Антий Тулл, давно ненавидевший его и не терпевший его из чувства зависти, стал немедленно искать случая убить его – он думал, что, если его не убить теперь, ему нельзя будет захватить его в свои руки вторично. Собрав вокруг себя многих и вооружив их против него, он объявил, что Марций должен сложить с себя звание полководца и дать вольскам отчет. Марций боялся, однако, сделаться частным человеком, пока Тулл будет носить звание вождя и пользоваться огромным влиянием среди сограждан, поэтому заявил вольскам о своей готовности сложить с себя команду по общему требованию этого, так как он принял ее с их общего согласия, и сказал, что не отказывается дать антийцам подробный отчет теперь же, если ктолибо из них требует его. В народном собрании вожаки по заранее обдуманному плану стали возбуждать народ против Марция. Он поднялся с места, и страшно шумевшая толпа стихла из уважения к нему и позволила ему свободно сказать слово. Лучшие из граждан Антия, всего более радовавшиеся заключению мира, явно выказывали намерение доброжелательно слушать его и беспристрастно судить о нем. Тулл боялся защиты Марция, замечательного оратора; кроме того, прежние его заслуги превышали его последнюю вину; мало того, все обвинение, возведенное на него, говорило лишь о благодарности за его подвиг: вольски не могли бы жаловаться, что не покорили Рима, если бы они не были близки покорить его благодаря Марцию. Заговорщики решили, что не следует медлить и склонять народ на их сторону. Самые дерзкие из них стали кричать, что вольски не должны слушать и терпеть в своей среде изменника, стремящегося к тирании и не желающего сложить с себя звания полководца. Толпа их напала на него и убила, причем никто из окружающих не защитил его. Что это произошло против желания большинства, видно из того, что тотчас же стали сбегаться граждане различных городов – взглянуть на труп. Они торжественно предали его земле и украсили могилу его, как героя и полководца, оружием и предметами добычи, взятой у неприятеля. Римляне при известии о его смерти не оказали ему никаких почестей, но и не сердились на него. По желанию женщин им позволено было носить по нему траур в продолжение десяти месяцев, как это делала каждая из них по своему отцу, сыну или брату. Срок этого самого глубокого траура установлен Нумой Помпилием, о чем мы имели случай говорить в его жизнеописании.

Вскоре положение дел у вольсков заставило их пожалеть о Марции. Сперва они поссорились со своими союзниками и друзьями, эквами, из-за начальства над войсками. Ссора перешла в кровопролитное сражение. Затем римляне разбили их в битве, где пал Тулл и погибла почти вся лучшая часть войска. Вольски должны были принять в высшей степени позорный мир, признать себя данниками римлян и исполнять их приказания.

[СОПОСТАВЛЕНИЕ]

Перевод В. Алексеева

XL (I). РАССКАЗАВ о тех делах Алкивиада и Кориолана, которые, по нашему мнению, заслуживали быть упомянутыми, стоили внимания, мы видим, что относительно военных подвигов ни один из них не имел перевеса над другим. Оба они выказали много раз чудеса смелости и храбрости на полях сражений, много раз – искусство и предусмотрительность во время командования войсками. Алкивиад можно считать более талантливым полководцем потому разве, что он остался победителем, во многих сражениях на суше и на море разбив неприятелей. Общее между ними то, что своим присутствием и начальством они всегда и очевидно для всех поправляли дела своего отечества, как, с другой стороны, еще очевиднее становился вред от них, когда они переходили к неприятелям. В отношении государственных дел умные сторонылись от Алкивиада за его не знавшее меры нахальство, грубость и пошлую лесть, которую он желал понравиться народу; римляне, напротив, ненавидели Марция за его крайнюю суровость, высокомерие и деспотизм. В этом отношении ни один из них не заслуживает похвалы. Вое же льстящие народу, заискивающие у него не стоят такого упрека, как те, кто оскорбляет народ, чтобы не прослыть его льстецом. Подло льстить народу для приобретения себе влияния, но и подло и бесчестно приобретать себе влияние, делаясь грозой для народа, чтобы давить и угнетать его.

XLII(II). ЧТО МАРЦИЙ был прост и прям, Алкивиад как государственный человек лжив и неискренен, в этом не может быть никаких сомнений. Более всего его обвиняют в том, что он коварно устроил ловушку и обманул, как рассказывает историк Фукидид, спартанских послов и этим нарушил мир. Правда, он втянул государство в новую войну, но он же сделал республику сильной и страшной – союзом с Мантинеей и Арголидой, союзом, созданием его, Алкивиада. Но, по рассказу Дионисия, и Марций посредством хитрости возжег войну между римлянами и вольсками, оклеветав последних, когда они приехали в Рим посмотреть на игры. Еще гнуснее становится его поступок, если обратить внимание, что вызвало его. Не из честолюбия, не из-за политического соперничества, как Алкивиад, а просто для удовлетворения чувства мести, страсти, которая не чувствует, по выражению Диона, никакой благодарности, он нарушил мирное течение жизни во многих частях Италии и разрушил, из злобы к своему отечеству, множество ни в чем не повинных перед ним городов. Но и Алкивиад под влиянием гнева принес своим согражданам большие несчастья. Узнав, однако, об их раскаянии, он смягчился. Хотя они оттолкнули его от себя вторично, он все-таки не оставил без внимания ошибок стратегов, не бросил их на произвол судьбы, когда они находились в опасности благодаря своему невежеству, нет, он поступил с тогдашними полководцами, своими недругами, так, как Аристид с Фемистоклом, Аристид, который заслужил себе этим горячие похвалы, – он явился к ним и научил их, что следует им делать. Марций, напротив, мстил, во-первых, всему государству, хотя его оскорбило не все государство, если лучшая и самая влиятельная часть граждан считала себя обиженной вместе с ним и делила его горе; во-вторых, не тронувшись, не смягчившись многими посольствами и просьбами, которыми старались утишить гнев и раздражение одного его, он доказал, что возжег грозную, кровавую войну не для того, чтобы вернуться в отечество, снова быть между своими, но для того, чтобы погубить отечество, прекратить его существование. Разница между ними в следующем. Алкивиад перешел на сторону афинян вследствие козней спартанцев, из страха и ненависти к ним; Марцию не было оснований уходить от вольсков, которые ничем не оскорбляли его. Они сделали его полководцем и, дав ему власть, вполне доверяли ему. Не то было с Алкивиадом – спартанцы скорей злоупотребляли, нежели пользовались им: сперва он бродил у них по городу, затем очутился в лагере, чтобы в конце концов искать покровительства у Тиссаферна. Если Алкивиад льстил ему, то, конечно, потому, что не желал видеть окончательного падения Афин.

XLIII (III). ЧТО КАСАЕТСЯ денег, известно, что Алкивиад несколько раз брал взятки и тратил их для поддержания своей роскошной и беспорядочной жизни, напротив, Марция полководцы не могли упросить принять то, что они давали ему в награду. Тем более ненавидела его чернь за его поведение во время волнений из-за долговых обязательств: народ считал, что он оскорблял неимущих не потому, что был корыстолюбив, а просто из желания глумиться над ними, из презрения к беднякам. В одном из своих писем Антипатр, сообщая о смерти философа Аристотеля, говорит: «Кроме других качеств, у него была способность привязывать к себе». Поступки, совершенные Марцием из прекрасных побуждений, не имели в себе ничего подобного и были неприятны даже тем, кому он делал добро, – они не могли примириться с его гордостью, спутницей уединения, как выражается Платон, и с его высокомерием, между тем

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org как Алкивиад умел применяться к людям, с которыми ему приходилось иметь дело. Поэтому нет ничего удивительного, если все его подвиги приобретали известность, их встречали с чувством уважения к нему, благожелательно, и даже его проступки часто носили на себе печать какой-то привлекательности. Вот почему его много раз выбирали главнокомандующим и стратегом, несмотря на то что он много раз подвергал свое отечество большой опасности. Напротив, Марций потерпел неудачу в своем желании добиться консульства, хотя заслужил его своими многочисленными подвигами, мужеством и храбростью. Таким образом, первого сограждане не могли ненавидеть даже тогда, когда им приходилось терпеть от него зло, второго – были не в состоянии любить, несмотря на свое уважение к нему.

XLIII (IV). НАЧАЛЬСТВУЯ над войсками, Марций не сделал для республики ничего важного; ему удалось добиться успехов, только предводительствуя неприятелями, в походе против своего отечества; но Алкивиад не раз был полезен афинянам и как простой солдат, и как полководец. Одно его присутствие прикосило всегда поражение неприятелям и только в его отсутствие ложные обвинения против него одержали верх. Напротив, Марций был осужден римлянами не заочно. Вольски убили его, не прибегая к засаде, хотя и незаслуженно, несправедливо; но он сам подал благовидный предлог тем, что, в присутствии всех, не принял предложения о перемирии и, склонившись затем на просьбы одних женщин, не прекратил вражды и, продолжая войну, потратил понапрасну время, упустив из виду благоприятную минуту. Ему следовало бы отступить, склонив на свою сторону тех, кто ему верил, если уж он так высоко ценил их право. Если же он несколько не думал о вольсках и подал повод к войне единственно ради удовлетворения чувства мести и потом прекратил ее, ему не следовало щадить отечества из-за своей матери, а пощадить отечество вместе с матерью: мать и жена его были только частью осажденной им столицы. Сурово отвергнуть мольбы от имени целого народа, просьбы послов и моления жрецов и затем снять осаду в угоду матери было не честью для матери, а позором для отечества, которое было спасено из чувства сострадания к одной женщине и из уважения к ее просьбам, как будто оно не заслуживало пощады само по себе. Милость эта может возбуждать к себе только ненависть, предстает поистине немилостивой, и в ней не было милосердия ни к одной из сторон: Марций отступил, не убежденный осажденными и не убедив своих товарищей по оружию. Виною всему этому его необщительный характер, его страшная гордость и высокомерие – качества, ненавистные народу сами по себе, в соединении же с честолюбием делающиеся совершенно невыносимыми, такими, с которыми нельзя примириться. Подобного рода люди не заискивают у народа, как бы не нуждаясь в доказательствах уважения с его стороны, но, не получив желанной должности, негодуют. Правда, ни Метелл, ни Аристид или Эпаминонд не льстили народу, не заискивали у него, но ведь они искренно презирали то, что народ мог дать им и отнять у них. За это их не раз изгоняли остракизмом, лишали должностей, осуждали по приговору суда, и все-таки они не сердились на своих неблагодарных сограждан, нет, они снова возвращали им свою любовь, если видели их раскаяние, и примирялись с ними, когда их призывали в отечество. Кто не желает льстить народу, не должен по крайней мере мстить ему; сильная досада вследствие неудачи говорит о сильном желании получить государственную должность.

XLIV (V). АЛКИВИАД не отрицал того, что уважение со стороны других доставляло ему удовольствие, презрение печалило, поэтому он старался нравиться, быть на хорошем счету у окружающих. Гордость не позволяла Марцию заискивать у тех, кто мог открыть ему дорогу к почестям и содействовать его возвышению; но, когда к нему относились с презрением, он, как человек честолюбивый, начинал раздражаться и негодовать. Вот в чем можно обвинить его, во всем же остальном он безупречен. По своему уму и бескорыстию он заслуживает быть поставленным в одном ряду с лучшими и чистейшими нравственно греками, но не с Алкивиадом, который был в этом отношении крайне неразборчив и ничуть не дорожил добрым именем.

Примечания

АЛКИВИАД

Даты жизни Алкивиада – ок. 450–404 гг. до н. э.

Стр. 351. Алкмеониды – потомки Алкмеона, знатный афинский род.

Стр. 352. Антисфен – философ-киник V–IV вв. до н. э.

Архипп – афинский комедиограф, младший современник Аристофана (V в. до н. э.), его произведения не сохранились.

Стр. 353. Афина бросила флейту потому, что игра на этом инструменте искажала ее лицо. Флейтист, с которого содрал кожу Аполлон, – сатир Марсий, подобравший брошенную флейту и вызвавший Аполлона на музыкальное состязание.

Антифонт – один из знаменитых аттических ораторов V в. до н. э.

Стр. 355. Метэк в Афинах – не пользующийся гражданскими правами чужеземец, которому разрешено проживание в городе и который платит за это особый налог.

Статер – золотая монета, равная 20 драхам.

Стр. 356. Клеант – философ-стоик III в. до н. э.

Стр. 359. ...величайший из ораторов... – Демосфен.

Стр. 361. ...взяты в плен при Пилосе... – Афиняне захватили Пилос в 425 г. до н. э. «Никиев» мир был заключен в 421 г. до н. э.

Панакт – маленькая крепость на границе Аттики и Беотии.

Остров Сфактерия, занятый спартанским отрядом, был после долгой осады захвачен стратегами Демосфеном и Клеонтом в 424 г. до н. э.

Стр. 363. «Тысяча» – очевидно, какой-то аристократический союз.

Стр. 364. ...убийства... жителей Мелоса... – В 416 г. до н. э. афиняне захватили союзный Спарте остров Мелос, всех мужчин перебили, а женщин и детей продали в рабство.

Немея – аллегорическое изображение Немейских игр, на которых Алкивиад одерживал победы в конных состязаниях.

Архестрат – видимо, один из афинских стратегов.

Стр. 365. ...Сократ... предупрежден... гением-покровителем. Внутренним голосом, удерживавшим его от дурных поступков. Об этом писали многие античные писатели.

Стр. 366. Гермы – четырехугольные столбы, увенчанные головой божества.

Стр. 367. Вестник, факелоносец, иерофант – саны жречества в Элевсинских мистериях (таинствах) в честь богинь Деметры и Керы (Персефоны).

Стр. 370. Мист – один из жрецов Элевсинских таинств.

Эпопт – высшая ступень посвящения в Элевсинские таинства.

Эвмолпиды и керики – два знатных афинских рода, представители которых с древних времен были жрецами Элевсинских мистерий.

Стр. 371. Захватив декелию (413 г. до н. э.), спартанцы перерезали дорогу, по которой шла в Афины большая часть хлеба с Эвбеи.

Стр. 372. Фарнабаз – один из сатрапов персидского царя.

Стр. 375. ...«пять тысяч»... захватили власть... – В 411 г. до н. э. переворот ограничил число полноправных граждан пятью тысячами, фактически же власть принадлежала Совету четырехсот.

Стр. 376. ...сражение при Абидосе. – В октябре 411 г. до н. э. Абидос город на азиатском берегу Геллеспонта (пролива Дарданеллы).

Стр. 381. Состязания – драматические и мусические.

Стр. 382. Критий – будущий глаза Тридцати тиранов.

Праксиергиды – афинский жреческий род.

Стр. 383. Мистагоги – посвящающие в таинства.

Стр. 386. ...разрушил Длинные стены. – Битва при Эгоспотамах произошла в 405 г. до н. э., взятие Афин – в 404 (весной). Вскоре Алкивиад погиб.

ГАЙ МАРЦИИ КОРИОЛАН

Временем жизни Гая Марция Кориолана считается конец VI – начало V в. до н. э., в частности покорение Кориол относят к 494 г., изгнание Марция – к 490 г. до н. э., однако сама личность Марция легендарна, и даты поэтому нельзя считать достоверными.

Стр. 389. ...«добродетель» и «храбрость» выражаются по-латыни одним и тем же словом... – *virtus*.

В этом сражении... – Речь идет о битве у Регильского озера (ок. 499 г. до н. э.).

Диктатор – Авл Постумий Альб.

Стр. 390. ...из уважения к аркадцам... – То есть к Эвандру (см. прим. к с. 65).

Птичий клей – в античности для ловли птиц использовался особый клей, которым намазывались ветви деревьев.

Стр. 396. Сотер, Каллиник... – Речь идет о различных эллинистических монархах. Сотер – Спаситель, египетский царь Птолемей I; Каллиник Одерживающий славные победы, царь Сирии Селевк II; Фискон – Пузан, египетский царь Птолемей VII; Грип – Горбоносый, сирийский царь Антиох VIII; Звереев – Благодетель, египетский царь Птолемей III; Филадельф Братолюбивый, Птолемей II; Эвдемон – Счастливейший, прозвище царя Кирены Батта II; Досон – «Собирающийся одарить», прозвище македонского царя Антигона II; Латир – Вика, Птолемей VIII (видимо, у этого царя был на лице нарост, напоминавший горошину вики). Большая часть этих прозвищ повторялась в греческой истории неоднократно, здесь названы лишь первые их носители.

Стр. 396–397. Прокл, Постум, Вописк – *Proculus* – от *procul* («вдали»), *Postumus* – Последний, или Посмертный, *Vopiscus* – Оставшийся в живых близнец. Сулла, Нигр, Руф, Цек, Клодий: *Sulla* – Покрытый красными пятнами, *Niger* Черный, *Rufus* – Рыжий, *Caecus* – Слепой, *Clodius* – от *claudus* («хромой»).

Стр. 399. Анит (впоследствии – обвинитель Сократа) – в 409 г. до н. э. был отправлен во главе афинского флота освободить от спартанской осады Пилос, но из-за противного ветра повернул назад.

Стр. 401. Эдилы – сперва были чисто плебейской магистратурой и подчинялись народным трибунам.

Стр. 404. ...не по центуриям, а по трибам... – Центурии – категории, на которые, согласно преданию, царь Сервий Туллий разделил по имущественному признаку население Рима. Всего их было 193. При Сервии Туллии было образовано также 35 триб по территориально-административному принципу.

Стр. 409. Тенса – колесница, на которой во время цирковых зрелищ перевозили из храмов в цирк изображения богов.

Стр. 422. ...должны были принять... мир... – Окончательно вольски были покорены лишь в IV в. до н. э.

[СОПОСТАВЛЕНИЕ]

Стр. 423. Дионисий Галикарнасский – греческий историк и ритор I в. до н. э.

Плутарх Алкивиад и Гай Марций Кориолан filosoff.org
Стр. 424. Антипатр – полководец Филиппа Македонского, наместник Македонии
во время похода Александра в Азию.

Стр. 425. Метелл – по-видимому, Квинт Цецилий Метелл Нумидийский, консул
109 г. до н. э.; в 100 г. до н. э. он ушел в добровольное изгнание, в
следующем году вернулся, но участия в политике больше не принимал.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!